

№ 50. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 15 Декабря 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: «Чужие грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина;** стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ» **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура;** «Изъ міра русскаго искусства», рядъ статей **Диллетанта;** Пляски и танцы на Руси, историко біологическіе очерки **Вл. Михневича;** Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго;** «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова;** рядъ очерковъ изъ американской жизни **Н. В. Шелгунова;** ст. **И. Ф. Василевскаго** (Буквы) и др.

Въ первыхъ нумерахъ будутъ напечатаны:

1) Повѣсть **П. Д. Боборыкина;** 2) Очерки изъ жизни въ средне-азіятскихъ пустыняхъ (иллюстрированные самимъ авторомъ) **Н. Н. Каразина;** «Нэлэдъ», поэма изъ римской жизни **В. Юрьева.**

Первый листъ романа **А. Михайлова** въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 3 мъ № журнала.

Въ свое время будутъ помѣщены спеціально сдѣланныя для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ **И. Н. Крамскимъ** иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. **Петромъ Соколовымъ.**

ПРЕМІИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго,**—картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. Образцы этихъ двухъ премій уже выставлены въ Главной конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ и вскорѣ будутъ выставлены въ мѣстныхъ конторахъ, поименованныхъ въ этомъ объявленіи, точно такъ же, какъ и образцы **третьей преміи,** которую составляетъ **большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова,** «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ **четвертой преміей** будетъ выдана **литературная премія,** съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстными иностранными издателями олеографическихъ картинъ и съ фотографіей г. Каррика въ С.-Петербургѣ объ уступкѣ гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» по уменьшенной цѣнѣ изданныхъ этими фирмами олеографическихъ картинъ и фотографическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Каталогъ этихъ картинъ и снимковъ помѣщенъ въ концѣ настоящаго нумера:

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки	6 р.	3 р. 50 к.
» » съ доставкой и пересылкой	7 р.	4 р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», **шесть** выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получать эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60** копѣекъ. Описаніе этихъ выкроекъ можно найти въ объявленіи отъ «Магазина парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», помѣщенномъ въ № 45 «Жив. Об».

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ,** въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Варшавѣ,** въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; **въ Одессѣ,** въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

* * *

Стих. **Дм. Черткова.**

Какъ кумиръ недостойный, обманчивый,
Какъ обманчивый тягостный бредъ,
Я разбилъ идеалъ свой заманчивый,
Грезъ младенческихъ сладостный слѣдъ.
То встрѣчали насмѣшкой безцѣльною,
То клеймили презрѣніемъ его;
Я томился тоской неподдѣльною
Но достичь я не могъ ничего.
Точно проблескъ свѣтила полдневнаго
Приходила надежда ко мнѣ
И въ минуту покоя душевнаго
Я блаженство видалъ, какъ во снѣ.
Представлялись мнѣ дни безмятежные
И всей силой усталой души
Уносился въ пространства безбрежныя
Я съ мечтой средь безмолвной тиши.
Забывалъ я на время мученія,
Забывалъ я страданья, печаль,
И въ счастливый тотъ мигъ увлеченія
Открывалась мнѣ дивная даль.
Но потомъ одной мыслью холодною
Отклонялись мечтанія тѣ
И одинъ съ своей думой безплодною
Я томился въ мірской пустотѣ.
Такъ къ чему мнѣ надежды, стремленія,
Коль желанной въ нихъ истины нѣтъ!
Находилъ въ нихъ я только мученія
И печали тяжелый отвѣтъ.

Баской.

Этнографическій романъ **Л. Симоновой.**

(Продолженіе.)

Глава VII.

Звукъ топора слышится по лѣсу. То дядя Перфилъ съ «баскимъ» ставятъ лобазъ. Мѣсто дядя Перфилъ выбралъ на прогалинѣ, близъ малинника и около того мѣста, гдѣ комолая чернушка кончила свое существованіе. Два старыя вѣтвистыя дерева, отстоящія другъ отъ друга сажени на полторы, послужили основой. Межь ихъ раздвоившимися стволами были положены первыя срубленныя деревья такимъ образомъ, что они образовали собою нѣчто въ родѣ лавки или пѣшеходнаго мостика. Лобазъ строился на такой вышинѣ, чтобы медвѣдь, вставъ на заднія лапы, могъ положить на него переднія. Постройка должна была составлять прочное и удобное сѣдалище для трехъ или четырехъ человѣкъ. На этотъ разъ дядя Перфилъ выказывалъ особенное радѣніе: подпорки, гдѣ такія требовались, были вкопаны глубже; веревки были приготовлены прочныя, новыя; на самое сѣдалище онъ готовился положить тесины и прикрѣпить ихъ тутъ да тамъ гвоздями. И все это для Феклы, излюбленной дочки, замѣнявшей сына. Боялся Перфилъ, чтобы въ самый критическій моментъ, т. е. когда подойдетъ звѣрь и тропетъ лапами, лобазъ не обрушился-бы вмѣстѣ съ сидящими на немъ, что иногда бываетъ; боялся, чтобы не испугалась, не ушиблась какъ-нибудь Фекла, «потому, объяснялъ онъ «баскому» свою предусмотрительность,—что что не говори, а все-таки дѣвка».

— Вѣстимо! поддакивалъ тотъ, усердствуя не менѣе Перфила.

Въ лѣсу еще сыро, сосной пахнетъ, кругомъ зеленѣетъ молодая трава, комары появились и съ монотоннымъ пискомъ носятся столбомъ надъ головами работающихъ, порою птица перелетитъ съ одного дерева на другое, порою послышится шорохъ мелкаго звѣрька, незримаго свидѣтеля человѣческихъ заботъ.

Съ наслажденіемъ вдыхаетъ Павелъ «Баской» свѣжій воздухъ, дыханіе его спокойно и ровно, тоже спокойствіе отпечаталось и на лицѣ. Да и нечего было ему волноваться: жизнь и цѣль ея опредѣлены; настоящее обезпечено довѣріемъ окружающихъ, сознаніемъ приносимой имъ пользы; прошедшее отрѣзано и все болѣе и болѣе уходитъ назадъ, становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Страхъ быть открытымъ, узнаннымъ и осужденнымъ также почти отступилъ совсѣмъ. Павелъ былъ увѣренъ, что теперь его уже никто не ищетъ,—слѣдъ потерянъ, такъ какъ между приписавшимся къ павдинской волости крестьяниномъ Павломъ Баскимъ и прежнимъ человѣкомъ ничего не было общаго, да и доискиваться его родословной некому было: втеченіи всего времени, какъ очнулся послѣ горячки, онъ ни души посторонней не видѣлъ, да и еще нѣсколько мѣсяцевъ сулятъ тотъ-же покой, а тамъ зимою проѣзжимъ нѣтъ до него никакого дѣла, а съ начальствомъ, и зимою не часто наѣзжающимъ, можно избѣгать личныхъ столкновеній. А между тѣмъ осѣдлость его мало по малу окрѣпнетъ, пуститъ онъ корни въ павдинскомъ ущельѣ, крѣпкіе, прочные корни, какъ тотъ кедръ, старый, пушистый, подъ которымъ онъ скрѣпляетъ веревками стволы деревъ. Прочнымъ кажется Павлу каменскій покой, потому что съ поконъ вѣку,—какъ старики помнятъ, въ бытѣ нихъ нѣтъ никакой перемѣны. Изъ году въ годъ живутъ они лѣто, разобщенными отъ остальнаго міра, не имѣя никакой вѣсточки не только ни о чемъ городскомъ, но даже почти не видясь безъ особой надобности съ обитателями сосѣднихъ деревень за дальностью разстоянія и неудобствомъ путей сообщенія. Знаетъ Павелъ, что не одна Каменка, а всѣ села и деревни въ обѣ стороны по павдинской дорогѣ до крайнихъ пунктовъ—городовъ—живутъ тою-же отдѣльною отъ сосѣдей и свободною жизнью. Онъ даже внутри себя каждую изъ этихъ деревень прозвалъ самобытнымъ маленькимъ государствомъ.

Много разъ все это передумалъ Павелъ, прежде чѣмъ окунулся въ тотъ безмятежный покой, въ которомъ находился въ настоящую минуту, когда ему невольно приходило въ голову сравненіе себя съ травленымъ зайцемъ, быстро увернувшимся отъ охотниковъ и засѣвшимъ въ такой глуши и чащѣ, куда не доходитъ ни единаго звука охоты.

— Не то Фекла, не то Сидоръ идетъ, проговорилъ Перфилъ, прислушиваясь къ ружейному выстрѣлу.—Окромя нихъ некому, потому теперь всѣ на пашнѣ, только мы съ дѣвкой отпахали.

— А коли Фекла, то по комъ стрѣляетъ?

— Вѣстимо, не по бѣлкѣ, кому теперешняя красная шкурка ея нужна? Видно, рябка али утку увидала, она у меня на это молодецъ, промаху не дастъ.

— А вы весной-то развѣ бьете птицу?

— Слыхали мы и приказъ такой есть въ волости, чтобы до Петрова дня ни-ни, да тутъ, братъ, кто тя видитъ? Кто слышитъ? Изъ чирка аль изъ утки куда похлебка важная, а вѣдь намъ теперь только птичкой и полакомиться, а что осенью добудешь, какъ настоящая охота пойдетъ, все или по первопутку въ городъ, или, дождавшись ярмарки, купцу проѣзжему сдашь.

— Хорошо у васъ тутъ, дядя Перфилъ, жаль, что я не родился среди васъ.

— Хе, хе! Это еще что? Лѣтичко только маяту одну съ землицей приноситъ, вотъ зимой у насъ больно хорошо.

— А мнѣ такъ вотъ лѣтичко и глянется, проговорилъ задумчиво Баской, но тотчасъ, повернувъ разговоръ, продолжалъ:—Зачѣмъ-же маятесь, коли земля труда не окупаетъ. Бросить-бы пашню да и все тутъ.

— Экъ ты, милый человѣкъ, какъ бросишь, коли не знаешь, что впередъ будетъ. Все надѣешься, думаешь: въ прошломъ году не доспѣлъ хлѣбушко, въ третьемъ году морозомъ его на корню хватило, авось-либо Господь смилуется, пошлетъ этотъ годъ счастье. Тоже вѣдь иной годъ и мы съ урожаемъ.

— Такъ и ждете?

— Такъ и ждемъ, потому супротивъ Господа ничего не подѣлаешь. Да и грѣшно намъ Бога гнѣвить—зима подспорье. Вотъ бѣда-то была-бы, коли-бы на Ирбить чугунку провели, тутъ ужь чисто или помирай, или поднимайся всѣмъ домомъ на выселку невѣсть куда. Прошелъ у насъ этотъ слухъ, да, слава Богу, стихъ. Бабья брехня оказалась. Видно, кто нибудь колоколъ лилъ, да этакую пулю пустилъ въ народъ.

Въ это время показалась Фекла съ обѣдомъ.

— Вотъ мы озимый-то нонече, почитай, весь лошадкамъ скормили, продолжалъ Перфилъ,—оно ничего какъ у насъ на все лѣто запасено хлѣбушко, а кабы не зима—волкомъ вой! Ну-ка, Фекла, что у тя тутъ, развертывай.

Къ обѣдающимъ подошелъ Сидоръ.

— Хлѣбъ да соль! проговорилъ онъ,—а я вотъ, бродя тутъ, топоръ заслышалъ, такъ, дай, думаю, посмотрю, что дѣется.

— Что дѣется? Ничего не дѣется. Вишь валежничку маленько подобралъ, да обтесываю, отвѣчалъ сконфузившійся Перфилъ,—валежникъ-то, чай, разрѣшено брать, сколько хошь.

— Хошь весь вывози! договорилъ полѣсовщикъ, притворившись, что не замѣчаетъ свѣжесрубленныхъ деревьевъ. Чувствуетъ Сидоръ Ивановичъ нѣкоторую неловкость при этомъ; совѣстно ему, что отступаетъ отъ исполненія своихъ обязанностей, но не хочется ему и Перфила обижать, особенно при учителѣ, къ которому онъ парнишку въ науку отдалъ.

— Перфилъ мужикъ добрый, думалъ Сидоръ Ивановичъ,—а лѣсу нѣшто убыло? Ишь его сколько! ни конца, ни краю нѣтъ, да и куда мнѣ съ нимъ? Давиться имъ что-ли? Участковъ для порубки этто-на не заведено и хошь самъ ангелъ съ неба приходи, такъ не разберетъ, гдѣ когда рублено.

— Ни какъ кончаете работу-то? проговорилъ онъ вслухъ.

— Сегодня на ночь засядемъ всѣ трое. Благо ночи теперь свѣтлыя, лунныя, отвѣчалъ Перфилъ.

— Ишь ему честь какая! Всѣ трое!

— Нельзя, эти двое новички, какъ безъ себя оставишь.

— Такъ, только врядъ-ли сегодня придетъ, выстрѣлъ слышалъ да стукъ топора въ этой сторонѣ—побоится.

— Ничаво, жрать захочетъ, такъ придетъ.

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо, а я домой тороплюсь, со вчерашняго дня не бывалъ, теперь обходъ кончилъ, и Сидоръ Ивановичъ, приподнявъ фуражку, направился опушкой къ рѣкѣ.

Значительно спала рѣчка. Прежніе островки,—теперь непрерывные холмы да лѣсъ,—заняли первое мѣсто въ ландшафтѣ, а вода отступила на второй планъ; рѣка почти въ своихъ берегахъ, только кое-гдѣ заливы блестятъ, да искрятся тутъ да индѣ на низкихъ мѣстахъ, словно забытые рѣкою, пруды. Только вправо отъ вагуличьей горы большое озеро покрываетъ болото.

— Ишь воды сколько сего года осталось, думаетъ Сидоръ,—трясина-то еще больше заболотится, а и то ужь къ каменцамъ едва пробраться можно. Видно, скоро придется новую дорогу въ обходъ трясинѣ ладить. Эхъ, мѣстечко наше неладное, гдѣ пень, гдѣ задоринка!

Съ этою мыслью Сидоръ Ивановачъ направился къ вагуличьей горѣ. Вода давно отодвинулась отъ нея и гора представлялась во всей своей красѣ, рѣзко выдѣляясь бѣлизною изъ зеленаго

фона другихъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ. Дымокъ, выходившій изъ чернаго отверстія у подножія горы, обращеннаго на рѣку, обратилъ вниманіе Сидора Ивановича. Онъ пошелъ однако-же не къ этому входу въ пещеру, а къ противоположному, со стороны лѣса. Нѣсколько дорогихъ шкуръ пушныхъ животныхъ, сушившихся на солнцѣ, да куски мяса сахатаго, вялившіеся тутъ-же на заостренныхъ кольяхъ, воткнутыхъ въ землю, указывали на присутствіе внутри горы человѣка. Гнилой запахъ исходилъ отъ мяса; Сидоръ Ивановичъ поморщился.

— Можетъ быть, это тотъ самый сахатый, думалъ Сидоръ,—котораго мы съ Федоромъ, зимою, идучи на охоту, видѣли приваленнымъ къ дереву. Да, конечно, онъ, не тащить же было вогуличу экую мерзость изъ-за тридевять земель. Тьфу! полѣсовщикъ сплюнулъ и подошелъ къ темному, длинному коридору, аршина полтора въ діаметрѣ, ведущему внутрь пещеры.

— Добрый человѣкъ, выходи сюда! крикнулъ онъ по-вогуличьи, громкимъ, но мягкимъ голосомъ, наклонясь къ темному отверстію коридора. Отвѣта не было. Только эхомъ повторился въ горѣ и лѣсу этотъ вызовъ. Въ пещерѣ, къ которой велъ коридоръ, имѣвшій саженей восемь въ окружности, у костра сидѣло двое вогуличей. Кусокъ того же вонючаго мяса сахатаго пекся на угольяхъ и горячей золѣ. Оба, случайно встрѣтившіеся, кочующіе звѣролова,—здѣсь на одной изъ своихъ пограничныхъ станцій изъ Россіи въ Сибирь,—въ ожиданіи обѣда, горячо сообщали другъ другу выдающіеся случаи охоты и встрѣчи съ людьми осѣдлыми. Крикъ Сидора заставилъ ихъ умолкнуть. Оба съ испуганными лицами стали прислушиваться. Крикъ повторился громче и настойчивѣе. Въ пещерѣ были три выхода: одинъ изъ нихъ, выходившій надъ рѣкой, былъ заслоненъ костромъ; другой, ведущій въ коридоръ, около котораго стоялъ Сидоръ, былъ заваленъ большимъ жерновымъ камнемъ съ внутренней стороны пещеры и третій, пропускавшій солнечный свѣтъ, находился вверху при соединеніи одной изъ стѣнъ съ потолкомъ и велъ на вершину горы. Къ этому послѣднему выходу, какъ кошки, цѣпляясь почти по отвѣсной стѣнѣ, кинулись оба собесѣдника и въ нѣсколько секундъ ихъ тощія черныя фигурки исчезли въ отверстіи.

— Вотъ взялъ-бы это все недобрый человѣкъ да и унесъ безъ всякаго торга, проговорилъ Сидоръ Ивановичъ въ полголоса, окидывая взглядомъ горностаичьи да соболиныя шкуры. Но тутъ же самъ себѣ и отвѣтилъ: — Нѣтъ у здѣшняго народа въ обычаѣ воровать, они и сами свое добро не запираютъ—это первое; второе—хоть бы и водилось тутъ воровство, не взяли-бы у вогуличей ни нитки безъ спросу, чтобы не испугать ихъ, не отвадить приносить намъ шкуры; а въ третьихъ—къ чему воровать, коли и такъ за безцѣнокъ отдадутъ. Вотъ угощу ихъ водочкой, они мнѣ и всучатъ по двѣ шкурки за красный бумажный платокъ.

Сидоръ Ивановичъ высѣкъ огня, зажегъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ, составя изъ нихъ пучокъ и держа такого рода факелъ передъ собою, поползъ на локтяхъ и колѣняхъ по узкому темному коридору. Факелъ однакоже вскорѣ угасъ въ сырой и душной атмосферѣ коридора, да и былъ безполезенъ, такъ какъ дымомъ вмѣстѣ съ испареніями обдавало его-же, Сидора, и заслоняло все то, что должно было освѣщаться огнемъ. Ощупью добрался полѣсовщикъ до знакомаго ему входа и тотчасъ-же, нащупавъ камень, силился отвалить его. Частью тяжесть камня, частью неловкость положенія, въ которомъ находился Сидоръ, были причиною, что усилія его оказались безполезными. Онъ стучалъ, кричалъ. Отвѣта не было.

— Ишь завалили, а сами на утекъ! со страха, видно, невѣсть куда спрятались; должно быть, ихъ тутъ немного, двое-трое, а можетъ и одинъ! подумалъ Сидоръ съ досадою,—то и боятся.

Онъ появился снова на чистомъ воздухѣ и всталъ на открытомъ мѣстѣ, чтобы его было видно со всѣхъ сторонъ, такъ какъ зналъ, что вогуличи иногда слѣдятъ за появившимся новымъ лицомъ. Онъ не ошибся, оба дикаря наблюдали за нимъ съ двухъ разныхъ сторонъ: одинъ, притаившись за камнемъ съ вершины горы, другой изъ опушки лѣсной, спрятавшись за стволъ дерева.

— Эй вы, шайтаны, померли, что-ли? крикнулъ снова полѣсовщикъ, съ улыбкою поглядывая кругомъ себя.

Послѣдняя уловка Сидора увѣнчалась успѣхомъ. На открытомъ мѣстѣ его тотчасъ же узнали. Оба вогулича оказались людьми знакомыми, не разъ обмѣнивавшими съ нимъ товаръ на товаръ, не разъ пользовавшимися гостепріимствомъ въ его уединенной избѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ Сидоръ Ивановичъ, коверкая вогуличьи слова и пересыпая ихъ русскими, радушно приглашалъ обоихъ знакомцевъ забрать съ собою товаръ и отправиться къ нему обѣдать. Тамъ, гдѣ Сидоръ считалъ свои выраженія не совсѣмъ понятными, онъ усердно пополнялъ ихъ жестами. И онъ, и они много смѣялися, но совершенно поняли другъ друга. Особенно привлекательнымъ вогуличамъ показался жестъ полѣсовщика, когда онъ, сдѣлавъ изъ пальцевъ правой руки нѣчто напоминающее стаканъ, приложилъ его ко рту и запрокинулся немного назадъ, дѣлая видъ, что вливаетъ въ себя что-то. Рады они были и его приглашенію, и тому, что купецъ навернулся знакомый.

Угощеніе у Сидора Ивановича шло на славу. Дарья, лучше мужа говорившая по вогуличьи, значительно оживляла ихъ бесѣду. Она превзошла мужа и въ умѣньи развернуть пестрый ситецъ или красный платокъ, указать на прелесть мѣднаго перстенька съ цвѣтнымъ стеклышкомъ; однимъ словомъ, щегольнуть товаромъ, нарочно заготовляемымъ для подобнаго рода торговли. Ужь вечеромъ, оставивъ свой товаръ въ избѣ полѣсовщика, вогуличи возвратились въ свою пещеру совершенно счастливыми, съ какими-то узелками въ рукахъ, не особенно тяжелыми. А Сидоръ долго не могъ заснуть въ ту ночь и разъ двадцать принимался высчитывать, сколько какая шкура дастъ ему барыша.

Высоко поднялся мѣсяцъ надъ пустынною окрестностью; запестрѣла она гдѣ яркими полосами, гдѣ узорчатою тѣнью; рѣка, случайныя озера и вершина вогуличьей горы серебрились. Луннымъ блескомъ освѣщалась изба Сидора, тотъ же свѣтъ полосою упалъ въ пещеру полупьяныхъ дикарей и задѣлъ краешекъ лобаза дяди Перфила.

Уснулъ, наконецъ, Сидоръ; крѣпко спятъ довольные торгомъ вогуличи, нанизавъ на пальцы блестящіе перстни и подложивъ подъ головы свои покупки. Спитъ дядя Перфилъ, скорчившись на лобазѣ, наказавъ молодымъ караулить по очереди и разбудить его при малѣйшемъ шорохѣ въ лѣсу. Заснулъ и Баской, сдавшійся на убѣжденія Феклы. Не спитъ только дѣвушка. Зорко всматривается она въ окружающій полумракъ, чутко прислушивается къ ночной тишинѣ и въ тоже время думаетъ крѣпкую думушку. Дивится Фекла сама себѣ и не можетъ разобраться въ переживаемыхъ ею новыхъ ощущеніяхъ. Чувствуетъ дѣвушка, что любитъ этого, заснувшаго теперь около нея, пришельца пуще отца и задаетъ себѣ вопросъ: не грѣхъ-ли это? Знаетъ Фекла, что любитъ Баскова, не только потому, что онъ очень красивъ, а и за доброту сердечную, за умъ, за тѣ скзки, слушая которыя, она забываетъ кто она и гдѣ и уносится всѣми помыслами въ другой, рисуемый имъ, міръ. И отчего, спрашиваетъ себя дѣвушка, у ней сердце бьется сильнѣе, лицо вспыхиваетъ, когда къ ней близко подходитъ Баской», отчего чувствуетъ она, что глаза ея загораются, когда встрѣчаются съ его глазами и не выдерживаетъ она его ласкающаго, пристальнаго взгляда. «Диво дивное! — думаетъ Фекла, никогда не испытавшая ничего подобнаго, — видно, это все оттого, что человѣкъ онъ большой, шибко большой, а я въ сравненіи съ нимъ самая крохотная песчинка, не умная, не ученая дѣвушка; только и добра во мнѣ, что работящая».

А кругомъ тихо-тихо, не шелохнетъ ни одна вѣтка; черными пятнами кажутся пространства между стволами деревъ; луннымъ свѣтомъ освѣщена прогалина передъ лобазомъ, да два-три бѣлые ствола березы. Фекла оглянулась. Молодой ельникъ кустарникомъ тянется вплоть до дороги и пестрѣетъ свѣтомъ и тѣнью; свѣтлою полосою виднѣется и самая дорога. Тихо. Дядя Перфилъ всхрапываетъ съ присвистомъ. Съ его спокойнаго лица Фекла переводитъ взглядъ на лицо «Баскова». Его открытый лобъ, длинныя рѣсницы, тонко очерченный носъ, покрыты извилистой тѣнью сухой вѣтки, склоненной надъ нимъ, а губы и подбородокъ, открытыя лунному свѣту, кажутся Феклѣ заманчивѣе обыкновенно. «Что, ка-бы онъ не былъ такой баской, любила-ли бы я его также, какъ теперь, думаетъ Фекла, и тотчасъ же рѣшаетъ: да! Если бы онъ теперь вдругъ (оборони Господи) окривѣлъ, сталъ рябымъ, хромымъ, все равно, такъ же любила бы, еще, пожалуй, больше жалѣла бы». Фекла вдругъ отвернулась изъ боязни, что не сдержитъ себя, что вдругъ наклонится, припадетъ къ лицу спящаго и скажетъ парню, что любитъ его больше, чѣмъ душу.

Большой, покрытый порыжѣлою, клочковатою шерстью, голодный звѣрь, прогнанный еще съ вечера холостыми зарядами дяди Сидора отъ его конюшни, лѣсомъ брелъ къ рѣкѣ. Ни одно животное не явилось на водопой, не было слышно ни единаго звука, никакого слѣда не видно было, когда медвѣдь приблизился къ берегу и всею тяжестью плюхнулъ въ воду. Медленно, будто въ раздумьи, подвигалась мохнатая масса къ противуположному берегу и вдругъ, въ виду вогуличьей горы, крошечные глаза блеснули, уши звѣря насторожились, а носъ, разнюхивая воздухъ, высоко поднялся кверху. Оба входа въ пещеру были теперь завалены и съ наружной и съ внутренней стороны большими каменьями; вялившееся мясо было на ночь убрано. То быстро обѣгая вокругъ горы, то становясь на заднія лапы и разминая когти въ чаяніи добычи, медвѣдь или внимательно озирался, или сердито рычалъ и рылъ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ чуялъ слѣды человѣка. Добычи не было! Раздраженный голодомъ звѣрь поднимался по крутому скату до самой вершины, быстро оглядывалъ гладкое пустынное пространство и снова скатывался внизъ и снова принимался рвать комья земли и разнюхивать воздухъ. Особенно дико блестѣли глаза звѣря, особенно быстры и порывисты были его движенія, когда раздраженный неудачными поисками, онъ направился по дорогѣ къ Каменкѣ, время отъ времени сердито рыча. Неподалеку отъ лобаза онъ остановился, нѣсколько разъ сильно втянулъ въ себя воздухъ и, поднявшись на заднія лапы, не разбирая ни кустовъ, ни вѣтвей, разбрасывая и ломая все попадавшееся на дорогѣ, направился прямымъ путемъ къ цѣли. Только трескъ пошелъ въ той части лѣса. Разбуженные Феклой отецъ и Баской встрепенулись. Всѣ трое напряженно ожидали появленія непріятеля. Фекла, взмахнувъ топоромъ, точно оцѣпенѣла, устремивъ глаза въ ту сторону, откуда слышался быстро приближав-

шійся трескъ. Всѣ трое охотниковъ стояли на колѣнахъ, повернувшись лицомъ къ непріятелю. Всего въ сажени отъ лобаза, со стороны, гдѣ сидѣла Фекла, молодая береза качнулась, заволновались кусты, лопнула сухая, тонкая ель и изъ зеленыхъ вѣтвей, точно вынырнула передъ лобазомъ озлобленная мохнатая фигура. Вцѣпившись когтями переднихъ лапъ въ крайнее бревно лобаза на разстояніи какихъ-нибудь двухъ четвертей отъ колѣней Феклы, медвѣдь впился въ ея глаза своими глазами и готовился лѣзть дальше, но охотники не пропустили удобнаго мгновенія. Почти одновременно раздались два быстрые, мѣткіе удара топорами по лапамъ медвѣдя и звѣрь былъ обезоруженъ. Съ ревомъ откинулось животное назадъ, поднося къ пасти обѣ лапы съ отрубленными пальцами. Второе, болѣе ожесточенное приближеніе медвѣдя къ лобазу, было уже почти безопасно, — пуля, направленная въ глазъ почти въ упоръ, а затѣмъ два-три удара топоромъ завершили окончательную побѣду.

Обойдя лѣсною опушкой болото, отдѣляющее деревню Косу отъ Павдинской дороги, Дарья очутилась лицомъ къ лицу съ роднымъ пепелищемъ. Коса помѣщалась на высокомъ берегу и рѣка даже во время сильнаго разлива въ этомъ мѣстѣ никогда не потопляетъ берега. Два ряда избъ, черныхъ, закоптѣлыхъ безъ дымовыхъ трубъ, да рядъ бань, такихъ же черныхъ, выставленныхъ по скату берега, вотъ и все, что представляетъ Коса. Если приближаться къ Косѣ въ то время, когда ея избы топятся, то она кажется загорѣвшеюся деревнею, такъ страненъ видъ дыма, валящаго изъ отверстій въ стѣнахъ и изъ отворенныхъ дверей. Унылыя, тупыя лица, худоба вслѣдствіе вѣчной недокормицы, почти поголовно слезящіеся, больные глаза отъ постояннаго пребыванія въ дыму, грязная, заплатанная одежда, всклокоченные волосы, вотъ каковъ наружный видъ ея обитателей, не менѣе безотрадный, чѣмъ и видъ самой деревни.

Солнце близилось къ закату, когда Дарья остановилась на сосѣднемъ пригоркѣ, чтобы надѣть чоботы, хранившіеся до сего времени въ передникѣ, заткнутомъ концами за поясъ. Улица деревни была пуста, за то нѣчто въ родѣ жизни сосредоточилось на скатѣ берега. То была суббота. Дарья окинула взглядомъ рядъ черныхъ бань и быстро направилась къ берегу. Всѣ двери крошечныхъ черныхъ срубовъ были отворены и изъ нихъ то и дѣло выбѣгали къ водѣ купаться то мужскія, то женскія фигуры, а иногда и тѣ, и другія вмѣстѣ — или взапуски, или обнявшись. Передъ полѣсовщицей остановился ухмыляющійся мужикъ, весь въ золѣ, сажѣ и съ налипшими листьями вѣника на тѣлѣ. Засмѣялась и Дарья, она узнала сосѣда, когда-то сильно добивавшагося ея ласкъ. Передъ Дарьей даже мелькнула картина прошлаго: какъ они одинъ разъ, двѣ семьи вдругъ, парились въ одной банѣ и какъ этотъ самый мужикъ, въ то время еще молодой парень, чуть не утопилъ ее, когда вмѣстѣ съ нимъ она выбѣжала къ рѣкѣ и кинулась въ воду смывать слѣды щелока да вѣника, а онъ ухватилъ ее за ногу. Насилу она тогда отъ него отлягалась, отбилась — не глянулся ей парень курносый и шибко кудластый.

— А матка гдѣ? спросила Дарья. Сосѣдъ молча ткнулъ пальцемъ на одну изъ бань, еще разъ любопытнымъ взглядомъ оглядѣлъ яркій костюмъ Дарьи и все также молча нырнулъ въ воду вслѣдъ за женой и ребятишками.

Дарья подошла къ указанной банѣ, дверь оказалась запертою. Полѣсовщица заглянула въ стѣнное отверстіе, замѣняющее и дымовую трубу, и окно. Голова ея заслонила почти весь свѣтъ, проникающій внутрь бани, но въ полумракѣ Дарья все-таки разглядѣла на лавкѣ распростертою одну изъ сосѣдокъ, а надъ нею склоненную фигуру своей матери. Старуха съ силою обѣими руками давила животъ лежавшей женщины, что-то шептала и безпрестанно сплевывала на сторону.

— Я въ избѣ дождусь, сказала полѣсовщица матери и стала взбираться берегомъ къ деревнѣ.

Внутренніе стѣны избы совершенно покрытыя сажей, полъ нескобленный нѣсколько мѣсяцевъ, лавки и столъ съ наросшею на нихъ грязью представились глазамъ Дарьи. И что-то родное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятное почувствовалось женщинѣ, почти отвыкшей отъ обстановки родного гнѣзда. Въ избѣ, не смотря на открытую дверь и отсутствіе рамъ въ окнахъ, пахло застоявшимися осадками дыма; дымомъ же пахла и каждая вещь и закоптѣлая одежда, висѣвшая на стѣнѣ. Полурадостная, полубрезгливая улыбка появилась на лицѣ женщины, когда она оглядѣлась и, побуждаемая голодомъ, почти тотчасъ же принялась искать чего-нибудь съѣстнаго.

На этотъ разъ печь оказалась холодна, полка пустою. Дарья распахнула дверцы низкаго закоптѣлаго шкафа, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣденнымъ столомъ. Тамъ оказался мушникъ, завернутый въ тряпицу, да какое-то мѣсиво въ деревянной чашкѣ. Она вытащила и то, и другое, но ѣсть не могла. Едва-ли третья доля муки была въ этомъ хлѣбѣ, жесткомъ, какъ камень. Когда Дарья съ усиліемъ разломила его, то на переломленномъ мѣстѣ явилось вдругъ нѣсколько торчащихъ спицъ. Была то и шелуха ржи, и часть рубленой соломы, замѣтна тутъ была и примѣсь древесной коры. Въ чашкѣ оказались коренья варенаго дикаго чеснока, не только квашеные, но и прокислые, вонючіе. Знала Дарья, что такіе коренья обыкновенно собираются у нихъ по полямъ во время голодухи весенней и служатъ иногда исключительною пищею до тѣхъ поръ, пока поспѣетъ огородное, — въ полномъ смыслѣ исключительною пищею, даже часто при полномъ отсутствіи и такого хлѣба, какой она сейчасъ держала въ рукахъ. Знала полѣсовщица и вкусъ этого блюда, а потому и мушникъ, и чашку быстро сунула на прежнее мѣсто. Въ ожиданіи матери Дарья присѣла къ окну и стала разсѣянно смотрѣть на улицу. Какая-то дѣвчурка пробѣжала мимо окна съ фартукомъ, набитымъ кислицею. «Тоже на варево», подумала Дарья.

У противуположнаго забора свинья, окруженная поросятами, нѣжилась въ лужѣ; у самаго окна пѣтухъ открылъ червяка и, гордо вытянувъ шею, торопливо и повелительно сзывалъ подругъ. Чья-то корова худая, съ торчащими ребрами возвращалась медленно изъ лѣса. «Ишь скотъ-отъ оправился на травкѣ», подумала Дарья.

Дѣйствительно, такую корову, какъ бы худа она ни была, можно считать оправившеюся. Врядъ-ли есть скотъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ такъ голодающій весною, какъ въ Косѣ. Уже при первомъ таяніи снѣга чувствуется недостатокъ соломы и полное отсутствіе сѣна. Коровы и лошади тащатъ солому съ крыши скотнаго двора, выбираютъ ее изъ навоза; съѣдаютъ собственную полусгнившую подстилку и только-что земля освободится отъ снѣга, скотъ, очистивъ все съѣдобное во дворѣ, уже бредетъ по полямъ, тщетно розыскивая пищу; примятая, сгнившая прошлогодняя трава, да тѣже чесноковые стебли не утолятъ голода и скотина возвращается домой, только набивъ зубы. А это набиваніе зубовъ продолжается долго. Скотъ, наконецъ, тощаетъ, движенія животныхъ дѣлаются болѣе и болѣе вялыми, голосъ слабымъ, теряется даже твердость поступи и нерѣдко случается такъ, что корова или лошадь шатающеюся походкой дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и отъ слабости приваливается къ забору или стѣнѣ, чтобы собраться съ новыми силами и тогда уже продолжать путь, а наконецъ, и совсѣмъ падаетъ.

Два-три сосѣда съ вѣниками возвращались домой, явилась и мать Дарьи, а вслѣдъ за нею и ея паціентка съ крынкой молока въ рукахъ. Эту дань за свои докторскія свѣдѣнія старуха предназначала на завтрашнюю воскресную пищу, но, выслушавъ жалобу дочери на голодъ, поставила крынку передъ нею, а сама поѣла чесноковыхъ кореньевъ, только чтобы заморить червячка, и большую часть мѣсива оставила къ слѣдующему дню.

— Что у тя своя-то корова не доитъ, что-ли? спросила Дарья, осушивъ крынку.

— Нѣту-ти своей коровы, не дождалась травки, на полѣ и упала, даже домой не добрела, сердечная. Больно плохъ что-то этотъ годъ сталъ и люди-то, ровно тѣни, бродятъ, не то что скотъ. Всѣ отощали. Теперь скотъ оправляется, а мы вотъ на грибы надѣемся, да въ огородахъ, какъ ни какъ, а картофель да свекла всходы дали. Инако-то нечего дѣлать! Многіе къ золотоискателямъ нанялись; бабы кои по міру пошли, кои тутъ маятся, тоже косьбу упустить боятся, ждутъ. Безъ сѣна-то тоже нашему брату плохо — все запасти надо. Зимусь-то, слыхала, чиновникъ къ намъ наѣзжалъ, вишь новый, онъ порядковъ нашихъ не зналъ, такъ объ податяхъ навѣдывался. Какъ услыхалъ про житье-бытье наше, такъ баилъ: хотите, я схлопочу вамъ, что будетъ у васъ травы, сколь хотите. Возьмите вы землю, что подъ лѣсомъ; лѣсъ вырубите, пни выкорчуйте, вотъ вамъ и луга. Подайте мнѣ объ этомъ прошеніе, я схлопочу. Хе, хе! старуха усмѣхнулась. — Ладно ему толковать-то, какъ самъ съ роду не корчевалъ! А намъ что? Когда ихъ, луговъ-то этихъ, дождешься, да и опять не умирать же намъ надъ косьбой все лѣтичко! Нѣтъ, молъ, батюшка, не надо намъ твоего лѣсу, какъ жили до сего дня, такъ и жить будемъ. Дѣды прожили, проживёмъ и мы безъ корчевки. А то, вишь, еще гнать насъ выдумалъ съ насиженнаго-то мѣста!

— Ну, что ты? Какъ это гнать?

— Да, вишь, поѣзжайте вы, говоритъ, селитесь лучше въ другомъ мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ лучше ростетъ. Спасибо, молъ, батюшка, говоримъ, ладно намъ и тутъ. Жили же дѣды, проживемъ и мы. Какъ ни-какъ, а родного гнѣзда не бросимъ. Тамъ еще ни вѣсть что будетъ, а тутъ и изба и скотинка, все есть!

Мимо окна прошла знакомая Дарьѣ баба.

— Чтой-то Аграфена-то какъ исхудала? спросила полѣсовщица?

— Исхудаешь, небось! Хлѣбушка-то у нихъ давно нѣтъ, на однихъ кореньяхъ сидѣли, пошла Аграфена посбирать хлѣбца въ Павду да въ Каменку, а мужъ-отъ безъ нея и померъ. Вдругъ заскучалъ животомъ что-то, да и былъ таковъ! Воротилась Аграфена съ полной сумой кусочковъ, а мужа-то люди добрые обмыли. Похудѣешь, небось! Сына нѣтъ, землю общество отобрало, приходится бабѣ уходить, да по чужимъ угламъ и дѣвченку съ собой таскать. Похудѣешь!

— А тебѣ Сидоръ наказалъ, чтобы къ намъ за хлѣбомъ пришла, чего не бывала до сихъ поръ?

— Ладно, приду, дай Богъ ему здоровья. Лицо старухи просіяло.

— А вотъ что, у меня до тебя тоже просьба есть. Дарья засмѣялась и скосила глаза въ уголъ.

— Ну? удивилась старуха.

— Полюбился мнѣ, матушка, парень, заговорила Дарья шепотомъ и наклонилась къ самому уху старухи, — нѣтъ-ли у тя приворотнаго корешка, потому — я къ нему всѣмъ сердцемъ, а онъ смѣшками отходитъ, присушить надыть... Слухи-то про знахарство твое далеко идутъ.

— Наткось! Чай ты не дѣвка, чай мужъ есть, чего еще выдумала. Сидоръ мужикъ добрый, степенный.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЯРОСЛАВА ЧЕРМАКА.

Гусситы подъ Наумбургомъ.

Съ дозволенія собственника рѣзано на деревѣ по фотографіи Гупиля.

— Да ужь больно степенный! произнесла Дарья раздраженнымъ голосомъ,—нонече и не глядитъ на меня, все по лѣсу бродитъ, а я одна да одна, ну и полюбился парень.

Старуха задумалась. Дарья напряженно смотрѣла въ ея глаза, нѣкоторое время молчала, а потомъ съ большимъ оживленіемъ снова заговорила:

— Не дашь, сама надъ собой что-нибудь да сдѣлаю, дашь—по гробъ тебѣ слуга.

Старуха задумчиво продолжала смотрѣть въ полъ.

— Не ладно! заговорила она, качая отрицательно головой.—Узнаетъ Сидоръ, тебя исколотитъ до полусмерти, а мнѣ не то что хлѣбца не дастъ, а и на порогъ не пуститъ.

— Тебѣ-то что въ немъ? Меня поколотитъ да и забудетъ объ этомъ, все же мужъ! а тебѣ я буду слуга по гробъ, каждымъ кускомъ дѣлиться стану, не будешь безъ хлѣба сидѣть.

Дарья наклонилась еще ниже и заглядывала въ глаза матери, та недовѣрчиво смотрѣла на нее.

— Вотъ те Христосъ! ни коли не будешь сидѣть безъ хлѣба и не только мучки, а и крупы, и гороху, и рыбки, всего удѣлять буду.

Глаза старухи заблистали, лицо озарилось улыбкой, взглядъ сталъ такимъ сосредоточеннымъ, какъ будто бы въ это время передъ нею засвѣтилось такое счастье, о которомъ она и помышлять не смѣла.

— Ладно! Мнѣ что, заговорила она,—коли такое твое непремѣнное желаніе есть, я чѣмъ могу послужу тебѣ.

Съ этими словами старуха подняла половицу пола и вынула оттуда травы, завернутыя въ тряпички.

— Вотъ это «разрывъ-трава», тебѣ ее не нужно, съ Сидоромъ разрывать не надыть, безъ экаго мужа погибель одна, а эта «порча-трава», тебѣ ее тоже ни къ чему,—ни мужа, ни сердечнаго дружка портить не будешь, а буде ворогъ какой объявится, то скажи ужо, могу на вѣкъ испортить, въ смерть вогнать, а... старуха не договорила, лицо ея стало печальнымъ.

— А приворотный-то корень гдѣ же?

— А то-то, вишь, забыла я, что приворотнаго корешка у меня и нѣтъ совсѣмъ, что баушка оставила — весь вышелъ, а новаго не могла набрать, нѣту-ти его въ нашихъ мѣстахъ, искала да не нашла. Другому я бы «разрывъ травы» дала,—на, молъ, приворотнаго корешка, а тебя обманывать не стану. Эка бѣда! Ну, да ничего, помочь горю можно. Старуха положила свои сокровища назадъ и встала передъ дочерью, завернувъ руки въ передникъ.

— Слушай, заговорила она шепотомъ и близко наклонясь къ дочери,—вынь слѣдъ его—это перво-на-перво, смотри, горячій слѣдъ: какъ ступитъ на половицу, да перенесетъ ногу, такъ тотчасъ же ножемъ щепочку и сковырни, да въ печь ее, приговаривая три раза: «какъ загорѣлся слѣдъ твой, такъ загорись и сердечко присухой ко мнѣ». Потомъ возьми ты... Фразу свою старуха закончила въ самое ухо дочери, а затѣмъ, отклонившись, снова зашептала отчетливо, ясно:

— Такъ вотъ, возьми ты этого да и влей ему въ пиво аль въ брагу, только смотри, чтобы не догадался, а то все пропадетъ. Я этакъ-то Сидора къ тебѣ приворожила, сама видишь, какъ дѣло вышло. Думаю и тутъ поможетъ, а ужь буде крѣпче онъ Сидора, не пройметъ его, такъ возьми у него тихохонько что-нибудь изъ вещей, и нашепчу на нее и какъ только дотронется до нея, такъ и днемъ, и ночью тебя видѣть станетъ, такъ его и потянетъ къ тебѣ. Такъ, вишь ты, дѣло твое сладится. Не даромъ еще баушка Василиса на свѣтѣ живетъ; людямъ добрымъ помогаетъ; не даромъ меня и колдуньей зовутъ.

— Ладно, матушка! Спасибо! Буду и я тебѣ слугой по гробъ.

— То-то!

Старуха вдругъ воодушевилась, сжала кулакъ и, потрясая имъ въ воздухѣ, почти закричала:

— А ужь недруга твоего, скажи только, изведу совсѣмъ. Будетъ онъ въ корчахъ по полу валяться, будетъ стонать да кричать отъ боли, изо рта его пѣна бѣлымъ клубомъ покатится.

Дарья, вперивъ глаза въ глаза матери, слушала ее даже съ нѣкоторымъ испугомъ. И вдругъ обѣ онѣ съ замѣшательствомъ повернулись къ двери. На порогѣ, съ ружьемъ, перекинутымъ за плечо, стоялъ Петръ изъ Каменки.

— Смотри, колдунья, какъ бы самой тебѣ не поплатиться за такія дѣла! произнесъ парень тономъ полнымъ ужаса и раздраженія и быстро вышелъ на улицу.

Петръ до сихъ поръ любилъ Феклу, не смотря на всю безнадежность на взаимность. Слѣдя за дѣвушкой, то издали, то, какъ ученикъ «баскова», сталкиваясь съ нею въ какой-либо избѣ, онъ скоро подмѣтилъ, что все расположеніе Феклы отдано учителю, что вся ея душа полна имъ. Осѣлъ какъ-то парень, стушевался и сдѣлался болѣе робкимъ вздыхателемъ, чѣмъ былъ прежде. Свою тоску-кручину онъ никому не повѣрялъ, а старался размыкать ее въ лѣсу. Два раза вмѣстѣ съ Сидоромъ Ивановичемъ подкараулилъ съ лобаза звѣря. За дичью да мелкимъ звѣрькомъ уходилъ изъ деревни дня на два, на три, а въ полѣ работалъ, что называется, за двоихъ. Нѣсколько дней тому назадъ Петръ возвращался съ охоты задами, весь увѣшанный рябками да утками и, проходя мимо плетня дяди Перфила, нечаянно подслушалъ разговоръ старика съ учителемъ.

— Женился бы ты, парень, право, да остался бы у насъ совсѣмъ. Вишь, какъ тебя всѣ полюбили, и старый, и малый, а дѣвки такъ, кажись, всей гурьбой по слѣдамъ бѣгаютъ. Парень ты добрый, тихій, тверезый. Ужь какъ бы тебя общество берегло. Землицей бы тебя надѣлили, срубъ поставили помочью, въ старшины выбрали бы. Хе, хе! Молъ, заправляй нами, молодецъ, по своему разумному да смиренному праву.

Засмѣялся Баскóй тогда и отвѣтилъ:

— Какой-же я старшина, коли я учитель. За два дѣла возьмись, такъ ни одного не сдѣлаешь. Съ хозяйствомъ крестьянскимъ мнѣ не справиться, не привыченъ я, а жениться—я во всю жизнь не женюсь. Невѣста у меня—родина матушка, а семья—весь міръ крещенный, весь народъ православный.

Весь встрепенулся Петръ, когда услышалъ отвѣтъ Баскова. Человѣкъ этотъ, на котораго у Петра время отъ времени подымалась злоба, особенно за послѣднее время, вдругъ сдѣлался милъ ему, словно братъ родной. Петръ мгновенно почувствовалъ, что встающая темная стѣна между нимъ и учителемъ вдругъ куда то-рухнула. Самъ не помня себя, онъ перемахнулъ черезъ плетень, съ радостнымъ лицомъ обнялъ дядю Перфила, разцѣловался съ «Баскимъ» и тутъ-же, предложивъ имъ общій ужинъ, кинулъ Феклѣ, половшей гряду, для стряпни весь результатъ своей охоты. Съ этого вечера голова Петра страшно заработала, какъ-бы поправить бѣду, обратить сердце Феклы въ свою сторону, а въ сердцѣ его затеплилась новая надежда. «Что-же, разсуждалъ парень, коли онъ ей любъ да она-то ему не мила, такъ это еще съ полбѣды, бываетъ одумается дѣвка». Мало по малу въ немъ стало являться нетерпѣніе, а затѣмъ и какъ искра мелькнула въ головѣ мысль обратиться къ баушкѣ Василисѣ, Дарьиной матери. Съ этою мыслью Петръ долго боролся, такъ какъ считалъ такое дѣло грѣхомъ. О баушкѣ Василисѣ шла дурная слава, люди баяли, что она знакома съ чортомъ, что во всѣхъ ея козняхъ ей помогаетъ самъ дьяволъ, однакоже, рѣшившись впослѣдствіи замолить свой грѣхъ и проклясть вѣдьму-пермячку со всѣмъ колдовствомъ ея, Петръ направился въ деревню Косу испробовать счастья. Почти у самой избы страхъ и сомнѣніе снова овладѣли парнемъ, онъ въ нерѣшительности оглянулся назадъ, остановился было, но затѣмъ вдругъ перекрестился и съ словами: «что Господи покажетъ?» быстро двинулся впередъ. Сильно забилось сердце парня, когда онъ заглянулъ въ отворенную дверь и остановился на порогѣ избы. Мрачная внутренность избы, тонувшей въ вечернихъ сумеркахъ, видъ самой старухи, потрясающей кулаками въ воздухѣ и, наконецъ, слова: будетъ валяться по полу въ корчахъ; будетъ стонать и кричать отъ боли; изо рта его пѣна бѣлымъ клубомъ покатится», привели парня въ ужасъ. Онъ задрожалъ всѣми членами, ему показалось, что волосы встали дыбомъ на головѣ его. Все отвращеніе, весь ужасъ къ старухѣ вдругъ охватили парня и, крикнувъ угрозу колдуньѣ, онъ бѣгомъ пустился къ лѣсу.

Петръ въ ту ночь не возвратился домой, а бродилъ до самаго свѣта по опушкѣ, близъ Каменки, безпрестанно представляя себѣ все безъисходное положеніе того, къ кому относилась угроза старухи. Слова ея врѣзались въ его памяти, онъ повторялъ ихъ и сопровождалъ бранью. Уже на зарѣ Петръ прилегъ въ кусты въ виду Перфильевыхъ окопъ.

— Оттого видно у насъ столько порченыхъ и есть, что экая вѣдьма по сусѣдству живетъ, можетъ, и всѣ бѣды-то на насъ она посылаетъ. И недозрѣваніе хлѣбушка, и огневка все отъ нея. Коли-бы ея не было, можетъ, жили-бы и мы какъ и другіе добрые люди что за Павдинскимъ камнемъ живутъ.

Съ этою мыслью Петръ заснулъ, а проснувшись, чувствовалъ себя нѣсколько спокойнѣе и впечатлѣній своихъ никому не открылъ, а затаилъ въ самомъ сокровенномъ уголкѣ сердца.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ Бодлера.

Стих. О. Охтенской.

I.

Moesta et errabunda.

Скажи, не манитъ-ли тебя, Агата,
За мрачный океанъ, въ невѣдомый намъ край,
Изъ міра суеты бѣжать, летѣть куда-то,
Гдѣ ясный горизонтъ сулитъ не жизнь, а рай,
Скажи, не манитъ-ли тебя Агата?

Волна, волна! баюкай насъ, какъ мать,
И душу услаждай намъ нѣжной баркаролой.
Кто чары далъ морямъ громъ бури заглушать
И въ сердце проникать аккордами Эола?
Волна, волна! баюкай насъ, какъ мать!

Смѣлѣе въ путь, на палубу фрегата!
Бѣжимъ! Здѣсь грунтъ земли размокъ отъ нашихъ слезъ
И ты стремишься въ даль, не правда-ли, Агата?
Отъ горя и невзгодъ, отъ злобы и угрозъ,
Смѣлѣе въ путь, на палубу фрегата!

О, какъ далекъ отъ насъ желанный край?
Гдѣ все любви полно, гдѣ всѣ другъ другу братья,
Гдѣ солнце грѣетъ всѣхъ, гдѣ блещетъ вѣчный май,
Гдѣ нѣтъ ни горя, ни заботъ, ни злобы, ни проклятья.
О, какъ далекъ отъ насъ желанный край?

Но рай утѣхъ младенческихъ, Агата!
Прогулки, пѣсни, смѣхъ, цвѣты, бокалъ вина,
Мерцаніе зари, волшебный лучъ заката,
Безмолвный поцѣлуй, и звѣзды, и луна...
Но рай утѣхъ младенческихъ, Агата,
Рай пылкихъ грезъ любви—гдѣ онъ?

Не дальше-ль Индіи, не дальше-ли Китая?
Вернется-ль онъ опять на крикъ мольбы, на стонъ?
Пробудитъ-ли его улыбка молодая?
Рай пылкихъ грезъ любви—гдѣ онъ?

II.

Слѣпцы.

Взгляните на нихъ, на слѣпцовъ несчастливыхъ,
Какъ страшенъ и жалокъ ихъ видъ:
Въ движеніяхъ странныхъ, смѣшныхъ, боязливыхъ
Недугъ ихъ такъ ясно сквозитъ.

Ни счастьемъ живымъ, ни слезою укора
Глаза ихъ не вспыхнутъ опять;
Въ небесную даль устремленные взоры
Не будутъ земли отражать.

Надъ бездной печали и тьмы
Влачатъ они годы; а мы?..
Болтаемъ, гуляемъ привольно...

Въ тупикъ становлюсь я невольно
При мысли о бѣдныхъ слѣпцахъ:
Что ищутъ они въ небесахъ?

III.

Вечерняя заря.

Вечерняя заря! ты вся очарованье.
Твой сумракъ въ насъ родитъ запретныя желанья
И вотъ они ростутъ, ростутъ, какъ тьма небесъ,
И полночь имъ спѣшитъ раскинуть свой навѣсъ,
Когда послѣдній лучъ замретъ въ дали безбрежной,
Когда рабочій людъ задремлетъ безмятежно,
Тому, кого зоветъ въ объятья ложе сна,
Чей умъ отяжелѣлъ, чья грудь тоски полна,
Кто день провелъ съ утра въ работѣ непрестанной,
Вечерняя заря, ты другъ, ты гость желанный!
Настала ночь. Огни на улицу глядятъ
Изъ оконъ и дверей. Отъ сна встаетъ развратъ:
Онъ демонской рукой разбрасываетъ сѣти
На грязной мостовой и въ залахъ на паркетѣ;
Кого не посѣтилъ въ ночную пору сонъ,
Съ приманкою въ рукахъ въ свой омутъ ловитъ онъ.
Во всѣхъ концахъ земли кипитъ его работа
И гибнетъ родъ людской, запутавшись въ тенета.
Его притоновъ тьма и жертвъ не перечесть;
Повсюду у него своя лазѣйка есть,
Повсюду западня: тутъ запахъ ресторана,
Тамъ манитъ кабачекъ, и смѣхъ, и звукъ органа,
А тамъ, театры, клубъ... Всю ночь оркестръ гремитъ,
И всѣ туда спѣшатъ,—у всѣхъ есть свой магнитъ:
Камеліи, чей стыдъ потерянъ безвозвратно,
Мошенники, плуты—рабы страстей, разврата,
Всѣ тамъ въ часы, когда съ поддѣланнымъ ключемъ
Мошенникъ трудится надъ чьимъ нибудь замкомъ.
Душа моя полна гнетущей сердце муки.
Замрите-жь навсегда безумныхъ оргій звуки!
Я слышу въ этотъ мигъ печальный стонъ больныхъ,—
Густая темнота томитъ и давитъ ихъ.
Быть можетъ, не одинъ угаснетъ до разсвѣта,
Предсмертный вздохъ замретъ подъ кровлей лазарета
И въ свой послѣдній часъ, за душною стѣной
Не встрѣтятъ ни заботъ, ни ласкъ семьи родной.

Иные же—семьи и вовсе не имѣли
И радостей земли не знали съ колыбели.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Ст. П. В. Га-на.

Талантъ знаменитаго нашего піаниста и композитора, Антона Григорьевича Рубинштейна, извѣстенъ всему образованному міру. Его симфоніи, камерная музыка, романсы и сочиненія для фортепьяно пользуются громадною извѣстностью, какъ равно и оперы, изъ которыхъ первою была «Куликовская битва», представленная въ Петербургѣ въ 1852 году. За этой оперой слѣдовали девять другихъ, а именно: «Ѳомка дурачекъ», игранная въ Петербургѣ въ 1854 году, «Месть», данная только въ михайловскомъ дворцѣ; «Сибирскіе охотники», игранная въ Веймарѣ 1855 г., «Дѣти степей» (1860), въ Вѣнѣ, Веймарѣ и Москвѣ; «Фераморъ» (1863), въ Дрезденѣ, Вѣнѣ, Кенигсбергѣ и Берлинѣ; «Демонъ» (1874), въ Петербургѣ; «Маккавеи» (1875), въ Берлинѣ, Прагѣ, Гамбургѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ; «Неронъ» (1876). Въ настоящее время окончена опера «Купецъ Калашниковъ», на сюжетъ извѣстной лермонтовской пѣсни, служащей образцомъ художественно-народнаго произведенія. Эту десятую оперу нашъ знаменитый композиторъ имѣетъ въ виду поставить въ наступающемъ сезонѣ. Изъ числа первыхъ оперъ три изъ нихъ были написаны по предложенію Великой Княгини Елены Павловны, желавшей дать нашей сценѣ хотя по одноактной національной оперѣ на сюжеты изъ жизни окраинъ нашей имперіи. Вотъ причина, по которой и были написаны оперы: «Ѳомка дурачекъ», «Месть», и «Сибирскіе охотники», на сюжеты: великорусскій, кавказскій и сибирскій. Къ сожалѣнію, эта прекрасная мысль не могла быть осуществлена вполнѣ по разнымъ причинамъ въ послѣдующее время. Его симфонія «Океанъ» была съ энтузіазмомъ принята какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Его ораторія «Потерянный рай» была исполняема почти во всѣхъ городахъ Германіи и вездѣ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Ораторія «Столпотвореніе вавилонское» была исполнена въ 1872 г. въ Дюссельдорфѣ, на музыкальномъ рейнскомъ фестивалѣ, на которомъ онъ дирижировалъ передъ отъѣздомъ въ Америку. Кромѣ того, Антонъ Григорьевичъ написалъ: четыре симфоніи, пять концертовъ для фортепьяно съ оркестромъ; одинъ скрипичный концертъ съ оркестромъ; четыре тріо, десять струнныхъ квартетовъ, пять сонатъ для фортепьяно, пять сонатъ для фортепьяно со скрипкой и двѣ сонаты съ віолончелью, концертъ для скрипки съ фортепьяно, пять концертовъ для двухъ фортепьянъ, три увертюры для оркестра, десять большихъ пьесъ съ оркестромъ: «Потерянный рай», «Фаустъ», «Вавилонская башня», «Русалка», «Утро», «Иванъ Грозный», «Донъ Кихотъ», «Гекуба», «Агарь въ пустынѣ», «Сцена съ аріей»; четыре фантазіи для фортепьяно, пять квинтетовъ, секстуоръ, октетъ, концертъ для віолончели съ оркестромъ, романсъ и капризъ для скрипки съ оркестромъ, шесть большихъ пьесъ для фортепьяно со скрипкой, віолончелью, альтомъ; пятнадцать пьесъ на мотивы русскихъ пѣсенъ и романсовъ; около сотни романсовъ на слова германскихъ поэтовъ; болѣе восьмидесяти романсовъ и пѣсенъ на слова русскихъ поэтовъ и почти до двухсотъ небольшихъ фортепьянныхъ пьесъ. Изъ перечисленныхъ произведеній композитора видно, что неутомимая дѣятельность его таланта выразилась въ двадцати различныхъ родахъ музыкальныхъ произведеній, доходящихъ по количеству до весьма почтенной цифры 500 музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ втеченіи тридцати лѣтъ (1845—75). Полагая, и не безъ основанія, что появленіе первыхъ его произведеній въ печати относится къ 1846 г. и что послѣдній каталогъ его сочиненіямъ былъ отпечатанъ въ началѣ 1876 года, и отбросивъ десять лѣтъ (1858—67) усиленныхъ занятій, когда Антонъ Григорьевичъ былъ во главѣ Русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи, не сочинялъ, вѣроятно, отдѣльныхъ пьесъ, тѣмъ болѣе, что въ это же десятилѣтіе имъ написаны были двѣ оперы: «Дѣти степей» (1860) и «Фераморъ» (1863),—приходимъ невольно къ заключенію, что нашъ знаменитый композиторъ дарилъ ежегодно музыкальный міръ болѣе, чѣмъ двадцатью пьесами, не считая десяти его оперъ, поглощавшихъ, конечно, наибольшее у него время. Какъ по количеству, такъ и по достоинству произведеній нашего геніальнаго піаниста и композитора, онъ, безспорно, имѣетъ первенствующее значеніе въ ряду нашихъ наиболѣе извѣстныхъ отечественныхъ композиторовъ. Если же имѣть въ виду, что Антонъ Григорьевичъ втеченіи десяти лѣтъ неутомимо трудился на пользу музыкальнаго образованія въ Россіи, находясь, сперва во главѣ Русск. Музык. Общества, а второе пятилѣтіе въ должности директора первой русской консерваторіи, основанной на частныя средства по его иниціативѣ, можно сказать, что заслуги А. Г. Рубинштейна, оказанныя имъ Россіи, навсегда сохранятся въ благородной памяти нашего образованнаго общества, тѣмъ болѣе, что, исполняя не легкія обязанности, соединенныя съ должностью директора консерваторіи, онъ обучалъ и классы фортепьянной игры, транспортировки, чтенія съ листа, игры ансамбль и хорового пѣнія. При такомъ постоянномъ общеніи съ учениками, понятно, что онъ могъ слѣдить за успѣхами и развитіемъ каждаго изъ нихъ. Доказательствомъ, что дѣятельность А. Г. Рубинштейна принесла блистательные результаты, служитъ образовавшаяся тогда цѣлая плеяда созданныхъ имъ техниковъ-теоретиковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, какъ, напримѣръ, Лавровская, Левицкая, Клеммъ, Минквицъ, Ирецкая, Хвостова, Крутикова и многія другія пѣвицы; Чайковскій, Альбрехтъ, Кроссъ, Ларошъ, Губертъ, Пановъ, Путиловъ, Насорговъ, Салинъ, Терминская, Смирягина, Щетинина и много другихъ, получившихъ музыкальное развитіе подъ непосредственнымъ надзоромъ Антона Григорьевича. Но положеніемъ своимъ въ то время и возможностью приносить такую громадную пользу музыкальному образованію А. Г. Рубинштейнъ обязанъ былъ ближайшей основательницѣ консерваторіи, Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, бывшей до самой кончины своей покровительницей этого высшаго музыкальнаго учрежденія, преобразованнаго изъ музыкальнаго общества при содѣйствіи главныхъ его дѣятелей: графа М. Ю. Віельгорскаго, В. А. Кологривова, Д. В Стасова, Д. В. Каншина, А. А. Кирѣева и А. С. Шустова, а также при энергическомъ содѣйствіи г-жъ: Е. П. Эйлеръ, С. А. Веригиной и Ю. Ф. Абаза. Во дворцѣ Елены Павловны были открыты классы хорового пѣнія и лекціи элементарной теоріи музыки, устроенные впослѣдствіи въ зданіи, назначенномъ для консерваторіи, передъ выходомъ изъ которой, въ 1867 г., Антонъ Григорьевичъ блистательно доказалъ результатъ своихъ неутомимыхъ трудовъ въ распространеніи музыкальнаго образованія первымъ опернымъ представленіемъ «Орфея» (Глюка) въ михайловскомъ дворцѣ, въ день тезоименитства Августѣйшей покровительницы музыкальнаго общества. Солистки: Лавровская, Ирецкая и Клеммъ, хористы и оркестръ, все было составлено изъ учениковъ консерваторіи и опера разучена втеченіи двухъ мѣсяцевъ. Этимъ блестящимъ представленіемъ А. Г. Рубинштейнъ какъ бы закончилъ свою чрезвычайно благотворную, хотя и весьма трудную, десятилѣтнюю педагогическую дѣятельность. Въ примѣръ его безкорыстнаго служенія своему дѣлу можно привести слѣдующій фактъ. Какъ директоръ и какъ профессоръ, Антонъ Григорьевичъ получалъ опредѣленное содержаніе, изъ котораго третью часть обращалъ на уплату за уроки тѣхъ, кто учился на духовыхъ инструментахъ, а такихъ учениковъ было съ десятокъ. Кромѣ управленія консерваторіею, онъ дирижировалъ концертами музыкальнаго общества безвоздмездно; давались они въ залѣ городской думы и дворянскаго собранія, числомъ десять въ сезонъ, при громадномъ числѣ посѣтителей. Оставивъ консерваторію, А. Г. Рубинштейнъ три года

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ.

Дѣвочка, продающая фрукты. (Италія.)

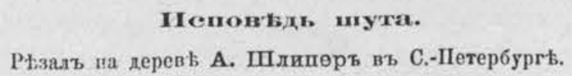
Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА ФРАППА.

Исповѣдь шута.

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ** въ С.-Петербургѣ.

разъѣзжалъ по Европѣ и по Россіи; слѣдующій за ними 1872 годъ онъ прожилъ въ Америкѣ и, наконецъ, въ 1873 г. поселился въ Петергофѣ, гдѣ на слѣдующій годъ и пріобрѣлъ собственную дачу, въ которой и живетъ съ семействомъ, преимущественно весною и лѣтомъ. Время же опернаго сезона композиторъ проводитъ, иногда, за-границей, въ разныхъ столицахъ Европы, для личнаго участія въ постановкѣ оперъ, чѣмъ и упрочиваетъ вездѣ успѣхъ геніальныхъ своихъ произведеній.

Антонъ Григорьевичъ родился въ Бессарабіи 18-го ноября 1830 года, а въ слѣдующемъ году родители его переселились на жительство въ Москву. Влеченіе къ музыкѣ обнаружилось въ немъ еще въ дѣтствѣ. Когда ему было всего четыре года, то, сдѣлавъ изъ щепокъ нѣчто похожее на скрипку или гитару съ натянутыми вмѣсто струнъ нитками, онъ наигрывалъ на самодѣльномъ инструментѣ одну изъ тѣхъ мелодій, которыя часто приходилось слышать ему отъ странствующихъ музыкантовъ. Когда ребенку исполнилось шесть лѣтъ, мать его начала заниматься съ нимъ обученіемъ игры на фортепьяно. По понятіямъ того времени, она была отличная музыкантша; но, обладая замѣчательнымъ слухомъ, она не знала ни теоріи музыки, ни методовъ преподаванія и, пріобрѣвъ несколько школъ для фортепьянной игры, начала серьезно заниматься съ сыномъ музыкой. Такъ прошло два года; когда Антону Григорьевичу исполнилось восемь лѣтъ, знакомые матери представили его извѣстному піанисту Виллуану, который, услыхавъ игру маленькаго виртуоза, пришелъ въ такой восторгъ, что предложилъ заниматься съ нимъ даромъ. Подъ руководствомъ этого опытнаго и преданнаго своему дѣлу учителя фортепьянной игры А. Г. Рубинштейнъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что десяти лѣтъ уже далъ концертъ въ Парижѣ (1840) въ присутствіи знаменитыхъ композиторовъ Листа, Шопена и другихъ извѣстныхъ артистовъ. Разгадавъ въ мальчикѣ геніальнаго піаниста, Листъ поднялъ его на руки, поцѣловалъ и предсказалъ ему великую будущность. Виллуанъ разъѣзжалъ съ своимъ ученикомъ впродолженіи трехъ лѣтъ по Европѣ съ артистическою цѣлью и вездѣ успѣхъ былъ громадный, всѣ удивлялись необыкновенному таланту одиннадцатилѣтняго виртуоза. Съ возвращеніемъ въ 1843 году въ Россію слава Антона Григорьевича упрочилась, въ особенности, когда о талантѣ его начали говорить при дворѣ. Юный піанистъ былъ обласканъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его августейшею Супругою. Во время музыкальныхъ вечеровъ во дворцѣ великой княгини Маріи Николаевны, въ антрактахъ, когда публика удалялась изъ залы, Государь, оставаясь одинъ съ А. Г. Рубинштейномъ, задавалъ ему различныя, любимыя свои темы, на которыя юный артистъ импровизировалъ съ свойственнымъ ему талантомъ. Покровительство Государя заронило въ душѣ геніальнаго артиста искру твердой увѣренности въ своихъ силахъ и плодотворно подѣйствовало на будущее развитіе его таланта.

Послѣ блестящихъ концертовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ и братъ его, Николай Григорьевичъ, уже тогда выказавшій необыкновенный талантъ, уѣхали съ матерью въ Берлинъ, гдѣ она желала посовѣтоваться съ музыкальными свѣтилами Мейерберомъ и Мендельсономъ о дальнѣйшемъ развитіи сыновей. Мейерберъ, прослушавъ игру Антона Григорьевича, убѣдился, что юный виртуозъ не нуждается болѣе въ руководителѣ фортепьянной игры, а для занятій теоріей предложилъ ему въ руководители бывшаго учителя М. И. Глинки, профессора С. В. Дейна. По окончаніи съ нимъ занятій А. Г. Рубинштейнъ уѣхалъ въ 1846 г. въ Вѣну. Въ этомъ же году умеръ отецъ Антона Григорьевича онъ; остался безъ всякихъ средствъ къ жизни и ему пришлось давать не только уроки, но и участвовать въ качествѣ пѣвчаго въ церковныхъ хорахъ. Къ этому времени относятся его первыя, преимущественно фортепьянныя сочиненія, заслужившія лестные отзывы музыкальныхъ критиковъ. Проживъ въ Вѣнѣ почти два года, А. Г. Рубинштейнъ вернулся въ 1849 году въ Россію, но на границѣ, въ таможнѣ, по недоразумѣнію, у него были отобраны всѣ неизданныя его сочиненія, которыя и пришлось ихъ автору переписать впослѣдствіи на память и, конечно, не всѣ. Впрочемъ, таможенная администрація, желая исправить свою ошибку, по прошествіи года со времени отобранія у композитора его рукописей, напечатала объявленіе въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» о томъ, что авторъ рукописей можетъ явиться за ихъ полученіемъ. Понятно, что Антонъ Григорьевичъ не имѣлъ времени читать «Полицейскія Вѣдомости» и, вслѣдствіе того, большая часть его рукописей продана была съ аукціона по вѣсу, а остальная часть разошлась по рукамъ любителей; до автора же не дошло ни листа. Женясь въ 1865 году на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Чикуанова, Антонъ Григорьевичъ имѣетъ двухъ сыновей и дочь. Предоставивъ заботы о воспитаніи дѣтей замѣчательной по уму и образованію супругѣ своей, Вѣрѣ Александровнѣ, Антонъ Григорьевичъ, какъ истинный художникъ, всецѣло предается занятіямъ композитора, но втеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ назначаетъ у себя еженедѣльно музыкальные вечера для друзей и знакомыхъ. На этихъ вечерахъ гостепріимный хозяинъ всегда старается рекомендовать своимъ гостямъ юные таланты изъ числа начинающихъ молодыхъ артистовъ. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ ознакомить почитателей и почитательницъ таланта Антона Григорьевича съ подробнымъ перечисленіемъ явившихся въ печати его произведеній. Этотъ каталогъ на русскомъ языкѣ еще не былъ нигдѣ напечатанъ.

Указатель печатныхъ сочиненій А. Г. Рубинштейна по каталогу, изданному въ Лейпцигѣ въ 1876 году:

Отдѣлъ I. Сочиненія, явившіяся въ печати съ нумераціей композитора. 1) Шесть народныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ на слова Левенштейна, для одного голоса съ акомпан. фортепьяно. 2) Двѣ фантазіи на русскія народныя пѣсни для фортепьяно. 3) Двѣ мелодіи. 4) Мазурка фантазія. 5) Полонезъ, краковякъ, мазурка. 6) Тарантелла. 7) Экспромптъ-капризъ. 8) Шесть пѣсенъ на слова Жуковскаго, Лермонтова и Давыдова, въ переводѣ Остервальда, для одного голоса съ акомпан. фортепьяно. Эти же пѣсни переложены для альта или баса. 9) Октетъ для фортепьяно, скрипки, альта, віолончели, контрабаса, флейты, кларнета и хора. 10) Каменный островъ, альбомъ изъ 24 піесъ для фортепьяно. 11) Три піесы для фортепьяно и скрипки. Три піесы для фортепьяно и віолончели. Тоже для фортепьяно и альта-скрипки. Три салонныхъ піесы для фортепьяно и альта. 12) Первая соната для фортепьяно. 13) Первая соната для фортепьяно и скрипки. 14) Балъ, фантазія въ десяти нумерахъ, для фортепьяно. 15) Два тріо для фортепьяно, скрипки и віолончели. 16) Три піесы для фортепьяно. Экспромптъ. Колыбельная пѣсня. Серенада. 17) Три квартета для двухъ скрипокъ, альта и віолончели. 18) Соната для фортепьяно и віолончели. Тоже для фортепьяно и скрипки. 19) Вторая соната для фортепьяно и скрипки. 20) Вторая соната для фортепьяно. 21) Три каприза для фортепьяно. 22) Три серенады для фортепьяно. 23) Шесть этюдовъ для фортепьяно. 24) Шесть прелюдій для фортепьяно. 25) Первый концертъ, для фортепьяно съ оркестромъ и отдѣльно для двухъ фортепьяно. 26) Романсъ и экспромптъ для фортепьяно. 27) Девять пѣсенъ, на слова Кольцова въ переводѣ Видерта, для одного голоса. 28) Ноктюрнъ и капризъ. 29) Два похоронныхъ марша, для артиста и для героя. 30) Баркаролла и Allegro appassionato. 31) Шесть нѣмецкихъ пѣсенъ для четырехъ мужскихъ голосовъ на слова: Гейне, Боденштедта, Гёте, Тика и Уланда. 32) Шесть пѣсенъ на слова Гейне для одного голоса съ фортепьяно. Тоже—для голосовыхъ партій альта или баса. 33) Шесть пѣсенъ для одного голоса съ форт. на слова: Уланда, Фалерслебена, Сакеня и Мозенталя. Тоже—для голосовъ альта или басса. 34) Двѣнадцать пѣсенъ Боденштедта для одного голоса съ форт. Тоже—для голосовъ альта или баса. 35) Второй концертъ для фортепьяно съ оркестромъ. Тоже для двухъ фортепьяно. 36) Двѣнадцать русскихъ пѣсенъ въ переводѣ Боденштедта для одного голоса съ форт. 37) Акростихъ на слово «Лаура», піеса для фортепьяно. 38) Десять піесъ для фортепьяно: Прелюдія, Менуэтъ, Жига, Сарабанда, Гавотъ, Танецъ съ пѣсней, Нѣмецкій танецъ, Курантъ, Пасспье, танецъ Бурре́. 39) Вторая соната для фортепьяно и віолончели. 40) Симфонія № 1 для оркестра. Тоже—для фортепьяно въ четыре руки, переложилъ А. Горнъ. 41) Третья соната для фортепьяно. 42) Океанъ. Вторая симфонія для оркестра. Тоже—для первой и второй скрипки, альта, віолончели и контрабаса. Тоже—для фортепьяно въ четыре руки. 43) Торжественная увертюра, для оркестра. Тоже—для форт. въ четыре руки. 44) Петербургскіе вечера (Soirées à St. Petersbourg), шесть піесъ для фортепьяно. 45) Третій концертъ для фортепьяно съ оркестромъ. 46) Концертъ для скрипки съ оркестромъ. Тоже—для скрипки съ фортепьяно. 47) Три квартета для двухъ скрипокъ, альта и віолончели. 48) Двѣнадцать пѣсенъ для двухъ голосовъ на слова: Пушкина, Лермонтова, Дельвига, Жуковскаго, Кольцова и другихъ, въ переводѣ Боденштедта. 49) Соната для фортепьяно и альта. Тоже—для форт. и скрипки. 50) Шесть піесъ для форт. въ четыре руки. 51) Шесть піесъ для фортепьяно: Меланхолія Предубѣжденіе, Мечта, Капризъ, Страсть, Кокетство. 52) Третье тріо для фортепьяно, скрипки и віолончели. Тоже—для форт. въ четыре руки, переложилъ А. Горнъ. 53) Шесть фугъ съ прелюдіями, для фортепьяно. 54) Ораторія «Потерянный рай». Духовная опера въ трехъ частяхъ. Текстъ Мильтона. Тоже для фортепьяно въ четыре руки, переложилъ Клейнмихель. Тоже—для двухъ скрипокъ, альта, віолончели и баса. 55) Квинтетъ: для фортепьяно, флейты, кларнета, валторны и фагота. Квартетъ: для фортепьяно, скрипки, альта и віолончели; аранжированный по квинтету. 56) Третья симфонія для оркестра. Тоже—для форт. въ четыре руки. 57) Шесть пѣсенъ для одного голоса съ фортепьяно на слова: Гёте, Гейне и Гейбеля. Тоже—для альта и баса. 58) Сцена и арія «E dunque vera»? (Такъ это правда?) для сопрано съ оркестромъ. Тоже съ фортепьяно. 59) Квинтетъ: для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и віолончели. 60) Концертная увертюра для оркестра. Тоже—для двухъ скрипокъ, альта, віолончели и контрабаса. Тоже—для фортеп. въ четыре руки, переложилъ А. Горнъ. 61) Три пѣсни для мужскихъ голосовъ, на слова: Гейбеля, Лепау и Левенштейна. 62) Шесть пѣсенъ для сопрано, альта, тенора и баса, на слова: Гейне, Гейбеля, Грюна, Мерике, Салиса, Конша. 63) Русалка, стихотвореніе Лермонтова, въ переводѣ Спрато, для женскаго хора и альта-соло съ оркестромъ или фортепьяно. 64) Пять басенъ Крылова: Оселъ и Соловей,

Квартетъ, Парнасъ, Орелъ и Кукушка, Муравей и Стрекоза, для одного голоса съ фортепьяно. Тѣже басни—для партій альта или баса съ форт. 65) Концертъ для віолончели съ оркестромъ или фортепьяно. 66) Квартетъ: для фортепьяно, скрипки, альта и віолончели. 67) Шесть пѣсенъ для двухъ голосовъ съ форт. на слова: Гейне, Ленау, Уланда, Клетке, Страховица и Шульца. 68) Фаустъ. Музыкальная картина для оркестра. Для фортепьяно въ четыре руки переложилъ А. Горнъ. 69) Пять піесъ для фортепьяно: Капризъ, Ноктюрнъ, Скерцо, Романсъ, Токата. 70) Четвертый концертъ для фортепьяно съ оркестромъ. Для фортепьяно въ четыре руки переложилъ А. Горнъ. 71) Три піесы для фортепьяно: Ноктюрнъ, Мазурка, Скерцо. 72) Шесть пѣсенъ для баритона или альта съ форт. на слова: Бодьена, Шторма и Лемке. Тоже—для сопрано и тенора. 73) Фантазія для двухъ фортепьяно. 74) Стихотвореніе Полонскаго «Утро», въ переводѣ Венцига́, для мужского хора съ оркестромъ. 75) Петергофскій альбомъ. Двѣнадцать піесъ для фортепьяно. 76) Шесть пѣсенъ для одного голоса съ фортепьяно, на слова: Пушкина, Лермонтова, Венедиктова, Кольцова, Майкова, Полонскаго, въ переводѣ Остервальда. 79) Иванъ Грозный. Музыкальная картина для оркестра. Тоже—для фортепьяно въ четыре руки переложилъ Ульрихъ. 80) Вавилонская башня. Духовная опера въ одномъ дѣйствіи. Стихотвореніе Роденберга. Тоже—для 1-й и 2-й скрипки, альта, віолончели и контрабаса. Тоже-для фортепьяно. Тоже—для фортепьяно въ четыре руки, переложилъ Клейнмихель. 81) Шесть этюдовъ для фортепьяно. 82) Альбомъ народныхъ танцевъ: Лезгинка, Чардашъ, Тарантелла, Мазурка, Вальсъ, Русская и Трепакъ. 83) Десять пѣсенъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ съ нѣмецкимъ текстомъ, для одного голоса съ фортепьяно. 84) Фантазія для фортепьяно съ оркестромъ. Тоже—для одного фортепьяно. 85) Четвертое тріо для фортепьяно, скрипки и віолончели. 86) Романсъ и капризъ для скрипки съ оркестромъ. 87) Донъ-Кихотъ. Забавная музыкальная картина, для оркестра. Тоже—для 1-й и 2-й скрипки, альта, віолончели и контрабаса. Тоже—для фортепьяно въ четыре руки. 88) Тема и варіаціи для фортепьяно. 89) Соната для фортепьяно въ четыре руки. 90) Два квартета для двухъ скрипокъ, альта и віолончели. 91) Стихотвореніе и Реквіемъ для Миньоны, изъ сочиненія Гёте «Вильгельмъ Мейстеръ», съ фортепьяно, въ четырнадцати нумерахъ, изъ которыхъ шесть пьесъ для отдѣльныхъ голосовыхъ партій: баритона, сопрана, альта, тенора и смѣшаннаго хора. 92) (№ 1). Гекуба. Арія для альтовой голосовой партіи съ оркестромъ. Тоже—для фортепьяно. 92) (№ 2) Агарь въ пустынѣ. Драматическая сцена для альтовой голос. партіи. Тоже—для фортепьяно. 93) Двадцать пять пьесъ для фортепьяно, подъ общимъ названіемъ «Miscellanées». 94) Пятый концертъ для фортепьяно съ оркестромъ. Тоже—для фортепьяно и въ 4 руки. 95) Драматическая симфонія, для оркестра. Тоже—для 1-й и 2-й скрипки, альта, віолончели и баса. Тоже—для фортепьяно въ 4 руки. 96) Второй концертъ для віолончели съ оркестромъ. Тоже—съ фортепьяно. 97) Сектуоръ для двухъ скрипокъ, двухъ альтовъ и двухъ віолончелей. 98) Третья соната для фортепьяно и скрипки. 99) Квинтетъ для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альта и віолончели. 100) Четвертая соната для фортепьяно. 101) Двѣнадцать русскихъ пѣсенъ для одного голоса, съ нѣмецкимъ текстомъ. 102) Капризъ для фортепьяно съ оркестромъ. *)

Отдѣлъ II. Сочиненія, явившіяся въ печати безъ нумераціи (Werke ohne Opuszahl) Баркарола № 4 (Gdur). Баркарола (Amoll). Обѣ для фортепьяно. Этюдъ № 1 (на фальшивыхъ нотахъ). Этюдъ № 2, оба для форт. Полька, Фантазія на венгерскія мелодіи, обѣ пьесы для форт. Пѣсня для одного голоса съ форт. Шесть нѣмецкихъ пѣсенъ для одного голоса съ фортепьяно. Двѣ пѣсни Рюккерта для меццо-сопрано съ фортеп. Увертюра изъ оперы «Дмитрій Донской», для оркестра. Тоже—для фортеп. и въ четыре руки. Серенада на русскіе мотивы, написанные въ альбомъ Беллини. Points d'Orgue, пять піесъ для фортепьяно. Четыре польки для фортеп. Французскій романсъ на слова Мюссе. Кавалерійская рысь (Trot de Cavallerie) для фортепьяно. Вальсъ-капризъ для фортеп. Большой дуэтъ изъ оперы Мейербера «Пророкъ», написанный при участіи Вьетана, для фортепьяно и скрипки. Пѣсня изъ оперы «Месть» для альтовой партіи и хора.

Отдѣлъ III. Десять оперъ, изъ которыхъ: «Демонъ», «Фераморъ» и «Маккавеи», каждая въ трехъ дѣйствіяхъ, а «Дѣти степей» и «Неронъ», въ четырехъ дѣйствіяхъ, давно напечатаны, а остальныя пять оперъ: «Куликовская битва», «Фомка дурачекъ», «Месть», «Сибирскіе охотники» и недавно оконченная опера «Купецъ Калашниковъ», не вошли въ печатный каталогъ.

Отдѣлъ IV. Сочиненія, напечатанныя во время дѣтства композитора. 1) Ундина. Этюдъ для фортепьяно. 2) Призывъ изъ далека. Пѣсня для одного голоса съ фортеп. 3) Французскій романсъ на слова В. Гюго «Comment disait-il». 4) Пѣсня на слова Лермонтова «Молитва». 5) Соловей. 6) Ласточка. 7) Посвященіе Женни Линдъ. Шведскія пѣсни, переложенныя для фортепьяно. 8) Народная пѣсня. Мечта. Экспромтъ. 9) Три мелодіи для фортеп. въ четыре руки. 10) Два Ноктюрна.

Скажемъ въ заключеніе о концертѣ, данномъ А. Г. Рубинштейномъ 6-го мая с. г. въ дворянскомъ собраніи *). Этотъ концертъ былъ данъ съ благотворительною цѣлью въ пользу пострадавшихъ отъ пожара жителей Оренбурга, доставивъ имъ болѣе трехъ тысячъ рублей, сумму, составляющую крупнѣйшее пожертвованіе изъ числа частныхъ лицъ. Вообще имя А. Г. Рубинштейна встрѣчается всегда тамъ, гдѣ надо сдѣлать доброе дѣло, оказать помощь, поддержать общественное дѣло. Артистъ, собирающій своимъ талантомъ крупныя суммы и жертвующій ихъ на доброе дѣло, заслуживаетъ общую признательность; почти не проходитъ года безъ подобнаго пожертвованія со стороны Антона Григорьевича. Извѣстно, что знаменитый артистъ не любитъ играть публично. На этотъ разъ онъ, безъ сомнѣнія, игралъ съ удовольствіемъ и, вѣроятно, чувствовалъ себя счастливымъ, сознавая, что обладаетъ такою силою, которая не только доставляетъ наслажденіе, но и способна, въ прямомъ смыслѣ, смягчить бѣдствіе не малаго числа людей. Лучшаго и болѣе великодушнаго употребленія своего таланта трудно и найдти. Въ своемъ концертѣ Антонъ Григорьевичъ игралъ одинъ; другихъ участниковъ, какъ въ большей части даваемыхъ имъ концертовъ, не было. Исполненіе програмы концерта продолжалось три часа, но никто не замѣтилъ, какъ прошли они. Когда играетъ нашъ знаменитый артистъ-композиторъ, о времени забывается слушателями. Его встрѣчали и провожали оваціями. По окончаніи концерта вся публика окружила эстраду, а вокругъ рояля собралась цѣлая вереница пьянистовъ, наперерывъ старавшихся овладѣть вниманіемъ знаменитаго артиста, пожать ему руку и выразить свой восторгъ.

Факсимиле подъ портретомъ Антона Григорьевича по содержанію своему составляетъ третью и четвертую строки послѣдней аріи Демона въ отвѣтъ на слова Тамары, въ третьемъ дѣйствіи оперы «Демонъ».

Тамара. — Не возмущай меня молю,
Загубишь душу ты мою —
И такъ борьбой истощена,
О, отойди, — оставь меня.
Демонъ. — Тебя я, вольный сынъ эфира,
Возьму въ надзвѣздные края.
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя.

*) Послѣдніе шесть сочиненій (97—102) хотя и не вошли въ печатный каталогъ, но въ Лейпцигѣ они появились уже въ печати у Barthoff Senff, въ музыкальномъ магазинѣ котораго имѣются почти всѣ сочиненія А. Г. Рубинштейна.

*) Приводимъ слова М. Иванова, смотр. «Новое Время» № 1,152.

Походъ въ Албанію.

Воспоминанія д-ра **Щербака**.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Вѣсть о скоромъ прибытіи турецкаго флота быстро облетѣла всѣ черногорскія позиціи. Самую сильную тревогу возбудила она въ штабѣ. Къ Циклинскому поминутно обращались за разъясненіемъ подробностей вооруженія броненосцевъ, величины снарядовъ, силы орудій и т. д. Однако, не смотря на успокоительные отвѣты капитана, большинство привилегированныхъ изъ свиты князя въ огражденіе себя отъ дальнобойныхъ орудій мониторовъ взобралось на вершину горы, гдѣ съ трепетомъ поджидало перваго выстрѣла съ стальныхъ «вопаровъ» *). Что же касается до черногорскихъ «войниковъ», то у нихъ чувство любопытства взяло верхъ надъ страхомъ передъ грозной таинственностью, которую нѣкоторые изъ нихъ представляли себѣ въ видѣ громадныхъ плавающихъ укрѣпленій съ чудовищными «топами», въ дулѣ которыхъ могло заразъ помѣститься нѣсколько человѣкъ; другіе думали, что это плавучія батареи съ огромными крючьями, посредствомъ которыхъ онѣ прицѣплялись къ берегу и т. п.

Въ первый моментъ извѣстія береговая стража и прикрытіе на Воловицѣ, услышавъ магическое слово «вопаръ»!.. бросила свои посты и куда то разбѣжалась, такъ что на береговой батареѣ остались только: начальникъ ея Илья Сличанинъ, Циклинскій и два фейерверкера; но исчезновеніе стражи длилось недолго. Благодаря объясненіямъ Циклинскаго и уговорамъ начальника ея, она снова собралась и не обнаруживала уже попытки скрыться, а наоборотъ, подъ вліяніемъ интересныхъ разсказовъ капитана, придвинула свои посты ближе къ берегу.

Наконецъ, 16 ноября, къ вечеру на далекомъ горизонтѣ моря показалось нѣсколько черныхъ точекъ. Точки постепенно увеличивались, выростая въ темныя фигуры съ длинными, волнистыми полосами дыма... все ближе и ближе... и въ воды Антивари торжественно вступили два монитора съ транспортными судами. По мѣрѣ приближенія къ берегу турецкій флотъ медленно выстраивался въ боевую линію. Въ это время черногорская стража, слѣдившая въ напряженномъ ожиданіи за движеніемъ мониторовъ и, увидавъ остановку ихъ, не долго думая, принялась стрѣлять по нимъ изъ револьверовъ. Такая странная встрѣча черногорцами броненосцевъ, произвела, вѣроятно, на турокъ не малое изумленіе. Полнѣйшее молчаніе со стороны послѣднихъ было довольно продол-

*) Пароходовъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Е. ЕНДЕРА.

Шекспиръ при дворѣ Елисаветы. Работа Гупиля и комп. въ Парижѣ.

жительно... Но вотъ раздался первый оглушительный выстрѣлъ и громадный снарядъ, съ гуломъ пересѣкая воздухъ, перелетѣлъ далеко за батарею Воловицу въ сторону пристанища штаба. Дѣйствіе этого выстрѣла на «привилегированныхъ» было потрясающее. Большая часть изъ нихъ, шарахнувшись въ сторону, заметалась, какъ угорѣлая и, затѣмъ, вскочивъ на коней, стремительно помчалась, куда глаза глядятъ. Кони ихъ неслись вихремъ черезъ каменья, кусты, овраги,— казалось, что цѣлый сонмъ злыхъ духовъ преслѣдуетъ несчастныхъ по пятамъ. Не доставало еще къ большему ужасу, чтобы, какъ въ легендѣ о «страшной мести», конь обернулся и засмѣялся, но бѣднымъ черногорскимъ конямъ было, конечно, не до смѣха. Покрытые пѣной, измученные, они скоро остановились, едва держась отъ усталости. Въ этотъ моментъ съ наѣздниками ихъ совершилась метаморфоза: чувство ужаса замѣнилось ощущеніемъ неловкости. Всѣхъ присутствовавшихъ охватило какое-то смущеніе, которое еще болѣе увеличивало воцарившееся молчаніе. Всякій старался избѣгнуть взгляда сосѣда. На всѣхъ лицахъ читалось недоумѣніе. «Кто первый поскакалъ? зачѣмъ поскакали? куда?» вопросы эти, по всей вѣроятности, вертѣлись въ головѣ каждаго; нѣкоторые изъ наѣздниковъ, разсказывая потомъ о своей безумной скачкѣ, удивлялись тому, что всѣ кости у нихъ остались цѣлы.

Второй снарядъ съ монитора не долетѣлъ до батареи. Послѣдовало еще нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ,—турки видимо перестрѣливались,—затѣмъ мониторы, ограничившись только пристрѣлкой, снялись съ якоря и медленно скрылись съ глазъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное бропепосцами на охранителей Воловицы и на береговую стражу, было не въ пользу первыхъ. Черногорцы ждали болѣе страшнаго нападенія. Нѣкоторые изъ нихъ, стоявшіе недалеко отъ берега, близъ Боголюбова, который во время стрѣльбы съ мониторовъ дѣлалъ замѣтки въ памятной книжкѣ, заявили даже категорически, что «вопаръ ништо не валя» *).

На слѣдующій день, 17 ноября, мониторы не показывались, но 18 числа послѣ полудня они снова появились и приняли боевое положеніе.

Черногорцы на Воловицѣ хладнокровно поджидали почина съ непріятельскаго флота. Послѣдній не замедлилъ... Прогудѣлъ страшный залпъ и нѣсколько гигантскихъ снарядовъ съ пронзительнымъ воемъ шлепнулось въ батарею Воловицы. Черногорцы отвѣчали изъ мортиръ. За первымъ залпомъ слѣдовали другіе и неравная канонада закипѣла... Черезъ нѣсколько часовъ батарея превратилась въ развалины; отъ бруствера и слѣдовъ не осталось. Деревянный сарай сгорѣлъ до тла, нѣсколько артиллеристовъ было убито, другихъ поранило.

Это первое крещеніе огнемъ съ мониторовъ черногорцы приняли съ стойкимъ хладнокровіемъ. Прекративъ стрѣльбу свою значительно раньше турокъ, они употребляли все стараніе, чтобы какъ-нибудь предохранить орудія отъ поврежденій непріятельскими снарядами. По счастью, это имъ удалось. Съ наступленіемъ ночи мониторы замолкли; черногорцы же принялись складывать изъ развалинъ новый брустверъ и, на разсвѣтѣ 19 ноября первые открыли огонь по непріятельскому флоту, не причиняя ему, однако, никакого вреда, такъ какъ снаряды ихъ, по большей части, не долетали, другіе же перелетали. Наконецъ, одна изъ бомбъ упала въ середину транспортнаго судна **); послѣднее, выйдя изъ боевой линіи и выставивъ бѣлый флагъ, уплыло въ открытое море. Послѣ удачнаго выстрѣла черногорцевъ, мониторы скоро прекратили огонь и удалились въ Бухапы, откуда снова прибыли къ Антивари только по прошествіи нѣсколькихъ дней. Тотчасъ по уходѣ мониторовъ князь командировалъ капитана Циклинскаго въ Спицкій округъ на Голобырдо и Нехай-градъ, для приведенія ихъ въ оборонительное положеніе.

По прибытіи въ названныя укрѣпленія Циклинскій наскоро устроилъ токарню и слесарню и съ помощью черногорцевъ, которые подъ его руководствомъ быстро освоились съ дѣломъ, дѣятельно принялся за работу.

Главная доля труда выпала на вытачиваніе бомбовыхъ трубокъ *) и снаряженіе боевыхъ снарядовъ. Кромѣ того приходилось вытащить заклепы изъ нѣкоторыхъ орудій и значительно поисправить части ихъ.

Помимо этихъ кропотливыхъ занятій на капитана возложена была обязанность соорудить новую батарею на косѣ Римвицѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились развалины храма Константина и Елены. Циклинскій возвелъ ее въ одинъ день, воспользовавшись древними развалинами, какъ матеріяломъ для складки бруствера, и вооружилъ ее двумя орудіями, взятыми съ Нехай-града. На перетаскиваніе послѣднихъ съ почти отвѣсной скалы укрѣпленія Нехая потребовалось много труда. Черногорцы, тащившіе орудія, не разъ пытались разбѣжаться, но, ободренные личнымъ примѣромъ и уговорами капитана, который несъ орудія вмѣстѣ съ ними, благополучно доставили ихъ на новую батарею.

Обезпечивъ тылъ Спицы на случай десанта новымъ укрѣпленіемъ на Римвицѣ, князь приказалъ формировать православно-католическій батальонъ изъ жителей недавно занятой имъ территоріи **). Начальникомъ батальона онъ думалъ поставить тоже кого-либо изъ мѣстныхъ жителей извѣстной фамиліи.

Мѣрой этой князь между прочимъ имѣлъ въ виду доказать населенію покоренныхъ округовъ свое полное довѣріе.

Формированіе батальона изъ албанцевъ-католиковъ пришлось не по сердцу австрійскому агенту. Находя, что такой образъ дѣйствія со стороны черногорскаго князя составляетъ до извѣстной степени нарушеніе дружественныхъ отношеній къ странѣ, имъ представляемой, полковникъ Темель не замедлилъ выразить его свѣтлости словесный протестъ. Основой протеста имъ было приведено слѣдующее: «Австрійскій императоръ, будучи священнымъ покровителемъ католическаго населенія Албаніи, вправѣ счесть для себя оскорбленіемъ такую мѣру, какъ воинская повинность, которая является угнетеніемъ, посягая на личную свободу народа, призваннаго силой къ оружію».

Выслушавъ полковника Темеля, князь потребовалъ отъ него офиціальнаго заявленія протеста со всѣми необходимыми при этомъ формальностями. Но противъ всякаго ожиданія Темель уклонился отъ исполненія этого требованія.

Не смотря на неудачу, австрійскій агентъ не унывалъ и прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ,— при помощи извѣстныхъ ему лицъ онъ быстро завелъ сношеніе съ католическими ксендзами, которыхъ надѣлилъ денежными подарками и орденами съ тѣмъ, чтобы они употребляли все свое вліяніе на возбужденіе населенія къ неповиновенію черногорскому князю. Подпольная агитація его не замедлила обнаружить успѣхъ.

Организовавъ тайную пропаганду и передавъ управленіе ею вѣрнымъ лицамъ, Темель по дипломатическимъ соображеніямъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Цетинье.

Глава V.

Прошло около недѣли со дня бомбардировки Воловицы турецкимъ флотомъ. Впродолженіи этого времени броненосцы хотя и появлялись въ водахъ Антивари, но ограничивались незначительной бомбардировкой черногорскаго лагеря, не причиняя ему ни малѣйшаго вреда. Благодаря этому обстоятельству «гвоздяные вопары» *) утратили почти всякое значеніе въ глазахъ черногорцевъ; къ нимъ стали относиться съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, такъ что 25 ноября, когда турецкій флотъ, подойдя близко къ берегу открылъ жестокій артилерійскій огонь преимущественно картечью по Голобырдо и Нехай-граду, черногорцы, находившіеся въ этихъ укрѣпленіяхъ, не подумали даже укрыться за брустверами и, высунувшись изъ ограды, спокойно наблюдали полетъ снарядовъ, за что и поплатились, лишившись въ полчаса 3 убитыми и 10 ранеными. Но и эту потерю они объясняли простой случайностью, которую можетъ произвести всякій небольшой «топъ». Непріятель въ этотъ день выпустилъ болѣе 250 снарядовъ, значительно разрушившихъ Голобырдо. Послѣ этой бомбардировки приморскихъ укрѣпленій турецкій флотъ скрылся и во все время осады почти не показывался.

Что же касается высадки турецкихъ войскъ, ожидаемой не безъ страха въ черногорскомъ штабѣ, то объ ней ходили только преувеличенные слухи, сильно тревожившіе князя и вынуждавшіе его чуть не всякій разъ къ перемѣнамъ въ диспозиціи—перемѣнамъ, клонившимся иногда ко вреду осады. Въ такихъ случаяхъ полковникъ Боголюбовъ, бывшій постоянно au courant барометрическихъ перемѣнъ въ настроеніи духа князя, своимъ знаніемъ дѣла, хладнокровіемъ и настойчивостью производилъ нерѣдко охлаждающее дѣйствіе на пылкую натуру князя. Не смотря на громадное самолюбіе, князь только наружно не соглашался съ мнѣніемъ русскаго военнаго агента, въ дѣйствительности же почти всегда слѣдовалъ его указаніямъ. Въ большинствѣ случаевъ между княземъ и Боголюбовымъ яблокомъ раздора оказывался воевода Пламенацъ, командовавшій авангардомъ у Добрыводы и защищавшій тылъ черногорскаго осаднаго корпуса со стороны Скутари. Не взирая на совѣтъ полковника оставить воеводу на этомъ посту, князь нѣсколько разъ отзывалъ его, хотя тотчасъ мѣнялъ распоряженіе, прежде чѣмъ оно приводилось въ исполненіе. Наконецъ, онъ отозвалъ воеводу, но затѣмъ снова черезъ короткій промежутокъ времени послалъ обратно и уже болѣе не тревожилъ во все время осады.

Между тѣмъ бомбардировка Антивари шла почти не прерываясь. Громадную услугу оказывали турецкія осадныя орудія, взятыя съ Воловицы. Число ихъ было увеличено еще двумя, доставленными Циклинскимъ съ Голобырдо и Нехайграда, такъ что осадная артилерія черногорцевъ имѣла въ своемъ распоряженіи 13 орудій, изъ которыхъ 6 бомбовыхъ. Не скупясь на боевые снаряды, изготовляемые Циклинскимъ въ достаточномъ количествѣ и громя ими злополучный Антивари по всѣмъ направленіямъ, воевода Врбица не упускалъ въ тоже время и другое средство для достиженія цѣли, а именно денежные и другіе подарки. На первыхъ же порахъ осады онъ завелъ при посредствѣ лазутчиковъ секретные переговоры съ комендантомъ крѣпости, Ибрагимъ-беемъ о сдачѣ Антивари, пославъ ему на первый разъ небольшой мѣшокъ золота, искусно скрытый въ ящикѣ съ табакомъ. Принявъ этотъ скромный даръ, Ибрагимъ, однако, не далъ опредѣленнаго отвѣта,

*) Пароходъ никуда не годенъ.

**) Впослѣдствіи оказалось, что на немъ былъ убитъ осколкомъ капитанъ и поранено нѣсколько матросовъ.

*) Запасъ ихъ у турокъ былъ весьма незначительный.

**) Селенія: Спицы, Чаина, Шушанъ и др.

*) Желѣзные пароходы.

а сообщилъ посланнымъ, что попытается узнать мнѣніе своихъ друзей — Шабанъ-бега и Селимъ-бега, самыхъ именитыхъ и вліятельныхъ гражданъ въ городѣ. Пока комендантъ занимался выпытываніемъ мнѣній отъ своихъ вліятельныхъ собратій, прибылъ турецкій флотъ, — въ Антивари заликовали. Съ Ибрагимомъ совершилась тоже перемѣна. Онъ вдругъ ужасно возмутился позорнымъ предложеніемъ о сдачѣ и категорически объявилъ лазутчикамъ Врбицы, что если воевода попробуетъ еще разъ прислать для переговоровъ, то парламентеры немедленно будутъ повѣшены на башнѣ крѣпости. Однако, такое строгое заявленіе не смутило Врбицу. Воевода разсчитывалъ на измѣненіе обстоятельствъ и не ошибся: турецкій флотъ почему-то медлилъ и вмѣсто высадки войскъ, ожидаемой осажденными, ограничивался только артилерійскимъ огнемъ, причинявшимъ незначительный вредъ противнику. У черногорцевъ же первое впечатлѣніе страха смѣнилось пренебреженіемъ и полнѣйшимъ равнодушіемъ къ броненосцамъ; нѣкоторые даже подумывали подплыть ночью и, взобравшись на нихъ, перерѣзать экипажъ.

Врбица воспользовался этимъ моментомъ, чтобъ снова приступить къ переговорамъ, измѣнивъ нѣсколько форму ихъ. На этотъ разъ онъ уже не послалъ мѣшечка, а ограничился двумя оками прекраснаго табаку. Подарокъ этотъ былъ отправленъ Ибрагиму съ письмомъ, въ которомъ воевода сообщалъ, что узнавъ о недостаткѣ табаку у коменданта и зная по опыту, какое это составляетъ тяжелое лишеніе, воевода спѣшитъ подѣлиться тѣмъ, что у него есть, и будетъ очень счастливъ, если этимъ окажетъ хотя маленькую услугу такому юнаку, какъ Ибрагимъ.

Албанцу, взявшемуся за это порученіе, было внушено, чтобы онъ только слегка коснулся вопроса о сдачѣ города, сообразуясь при этомъ съ расположеніемъ духа коменданта.

Ибрагимъ принялъ посылку съ живѣйшимъ удовольствіемъ, много благодарилъ за нее воеводу Машо, но тонкій намекъ о сдачѣ обошелъ молчаніемъ. Врбица не унимался и дня черезъ два отправилъ Ибрагиму новый презентъ, заключавшійся въ маленькомъ мѣшечкѣ золота и въ 62 бубликахъ филиповской пекарни. Бублики эти были пожертвованы Циклинскимъ, который только-что получилъ изъ Москвы транспортъ съ вещами и печеніемъ. Посылка эта, какъ и въ прошлый разъ, сопровождалась запиской, въ которой Машо краснорѣчиво описывалъ глубокое соболѣзнованіе, вызванное въ немъ извѣстіемъ о тяжкихъ лишеніяхъ храбраго коменданта, и предлагалъ ему все, что у него есть.

Трогательное вниманіе черногорскаго воеводы къ своему врагу, турецкому военачальнику, хотя и исторгло слезы умиленія у Ибрагима, но по совершенно иной причинѣ. Непоколебимый комендантъ отвѣчалъ воеводѣ, что онъ душевно признателенъ за вниманіе, и немедленно по полученіи посылки роздалъ 62 бублика 62 голоднымъ воинамъ, которые, принявъ изъ рукъ начальника своего хлѣбъ и утоливъ имъ голодъ, заявили въ одинъ голосъ, что такое отеческое вниманіе подкрѣпляетъ въ нихъ еще болѣе рѣшимость скорѣе умереть мучительной смертью, чѣмъ сдаться. «Сцена эта потрясла мнѣ душу и вызвала жгучія слезы, писалъ Ибрагимъ воеводѣ, — и, конечно, я тоже предпочту умереть, чѣмъ сдаться».

На этотъ разъ Врбица, кажется, убѣдился, съ какимъ кремнемъ ему приходится имѣть дѣло и потому, прекративъ на неопредѣленное время переговоры, приказалъ артилеристамъ удвоить число выпускаемыхъ снарядовъ и не щадить никакихъ красивыхъ построекъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Драмы въ воздухѣ.

В. Фонвіеля.

(*Продолженіе.*)

V.

Удушеніе.

Однимъ изъ страшнѣйшихъ враговъ воздухоплавателя бываетъ часто газъ, наполняющій шаръ. Водородъ съ примѣсью углерода не только дѣйствуетъ на органы дыханія, какъ удушающее средство, тѣмъ, что не вноситъ въ ячейки легкихъ элементовъ, необходимыхъ для поддержки жизни, но онъ обладаетъ еще свойствами парализующими и до такой степени сильными, что достаточно нѣсколькихъ неосторожныхъ вдыханій, чтобы обратить въ безчувственное тѣло самаго сильнаго, самаго храбраго человѣка. Многіе воздухоплаватели бывали свидѣтелями случаевъ подобнаго рода, не только когда находились въ лодкѣ шара, но и во время наполненія его газомъ.

На заводѣ Вильета я самъ видѣлъ два случая, которые, благодаря только чистой случайности, не имѣли печальнаго исхода. Болѣе неосторожный, чѣмъ опытный воздухоплаватель, находясь уже въ лодкѣ съ двумя путешественниками, приблизилъ голову къ нижней оконечности шара, желая удостовѣриться, въ хорошемъ-ли состояніи оболочка аэростата. Соприкосновеніе съ газомъ произвело родъ мгновеннаго паралича, такъ что онъ забылъ выпустить изъ рукъ мѣшокъ баласту. Вѣтеръ, дувшій въ направленіи газометровъ, бросилъ мѣшокъ на эти апараты и шаръ отъ удара о чугунныя скрѣпы разорвался. Крушеніе его произошло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста поднятія.

Здоровый, крѣпкій старикъ съ большимъ рвеніемъ помогалъ Шарлю Шавутье наполнять его шаръ газомъ. Операція была еще въ началѣ и нижняя часть оболочки волочилась по землѣ. Несчастный новобранецъ приблизился къ прибавку, чтобы посмотрѣть на мѣстѣ-ли ручка. Но приподнятая имъ матерія тотчасъ же опустилась. Достаточно было одного вдыханія газа, чтобы неосторожный человѣкъ упалъ безъ чувствъ на землю. Видѣвшіе его паденіе, поспѣшили къ нему на помощь и съ большимъ трудомъ привели его въ чувство; еще нѣсколько минутъ и онъ погибъ бы безвозвратно.

На этомъ же заводѣ я присутствовалъ при зловѣщемъ поднятіи «Зенита», — печальный опытъ, стоившій жизни двумъ воздухоплавателямъ: Кроче-Спинели и Сивелю.

Приняты были мѣры предосторожности не наполнять всего шара газомъ, чтобы оставить свободное мѣсто для расширенія воздуха, объемъ котораго постепенно увеличивается по мѣрѣ поднятія въ высоту. Но шаръ поднялся въ слои атмосферы, гдѣ воздухъ столь рѣдокъ, что этой предосторожности было недостаточно — газъ потекъ черезъ край. При ужасающей быстротѣ поднятія газъ изгонялся съ воздухомъ, которымъ дышали воздухоплаватели. Два изъ нихъ, вдохнувшіе болѣе газа, чѣмъ третій ихъ товарищъ, Гастонъ Тисандье, упали на дно лодки. Они были въ летаргіи, когда лодка ихъ шара ударилась съ ужасающей быстротой о землю. Ударъ былъ такъ силенъ, что убилъ ихъ на мѣстѣ и они перешли изъ жизни къ смерти, не сдѣлавъ ни одного движенія. Только красноватая пѣна на губахъ свидѣтельствовала о силѣ толчка, которому они подверглись.

Нѣсколько времени спустя, на этомъ же самомъ заводѣ я и Дюруовъ сдѣлали новый опытъ поднятія, подвѣсивъ вокругъ прибавка нѣсколько клѣтокъ съ птицами. Не смотря на все наше стараніе подняться на воздухъ какъ можно тише и спокойнѣе, животныя, находившіяся ближе къ прибавку и болѣе подверженныя дѣйствію газа, задохлись, когда мы вернулись на землю.

Дюпюи Делькуръ, много разъ поднимавшійся на шарѣ, основатель древнѣйшаго во Франціи воздухоплавательнаго общества, тоже приведенъ былъ газомъ своего шара въ безчувственное состояніе. Отъ сгущенія шаръ его самъ собой опустился на землю, безъ всякихъ стараній со стороны воздухоплавателя, когда тотъ даже не могъ сознавать происходившаго. Если бы шаръ опустился быстрѣе, Делькура постигла бы такая же участь, какъ пасажировъ «Зенита».

И чѣмъ выше поднимаются въ атмосферу, тѣмъ опаснѣе становится газъ для воздухоплавателей, не потому только, что отъ расширенія объемъ его пропорціонально увеличивается, но и потому, что дыханіе людей, находящихся въ лодкѣ, становится торопливѣе, лихорадочнѣе. Даже если путешественникъ, занесенный въ эту воздушную пустыню, замѣтитъ, что въ его легкія входитъ ядовитый газъ, онъ ни на минуту не можетъ остановить совершенно непроизвольной игры мускуловъ. Посреди океана безконечности, гдѣ небесныя свѣтила кажутся простыми песчинками, воздухъ бѣжитъ отъ сохнущихъ губъ воздухоплавателя. Онъ задыхается въ столь же страшныхъ мученіяхъ, какъ потерпѣвшій крушеніе, жизнь котораго угасаетъ посреди волнъ морскихъ. Къ тому же запахъ газа не можетъ предупредить воздухоплавателя о грозящей ему опасности, такъ какъ чувствительность его обонянія уменьшается, ослабляется, сводится къ нулю, вслѣдствіе холода, царствующаго въ слояхъ атмосферы, куда онъ уносится. Умъ его осаждается страшными видѣніями; всѣ его чувства парализуются отъ недостатка окисленія крови, воображеніе получаетъ направленіе, способствующее всевозможнымъ галюцинаціямъ.

Удивительно, что мечтатели и шарлатаны, эксплуатирующіе слабость человѣческой натуры для вызыванія тѣней, не воспользовались до сихъ поръ физіологическими особенностями высшихъ слоевъ атмосферы и тѣмъ восторженнымъ состояніемъ, въ которое приводитъ человѣка зрѣлище земли, мелькающей подъ ногами въ просвѣтахъ, образуемыхъ развѣвающимися снастями шара.

Невозможно передать всѣ трагическіе случаи, происшедшіе отъ удушенія газомъ; остановимся только на двухъ, болѣе выдающихся.

Первый представляетъ странную аналогію съ катастрофой «Зенита». Два человѣка помѣстились въ лодкѣ шара. Первый, управлявшій поднятіемъ, здоровенный малый, почти великанъ. Товарищъ его маленькаго роста и горбатый. Воздухоплаватель даетъ приказаніе пустить шаръ и воздушный корабль исчезаетъ въ глубинѣ небосклона. На слѣдующее утро шаръ, ослабленный течью, опускается медленно на землю. Крестьяне задерживаютъ его и находятъ въ немъ трупъ и живого человѣка, на половину безчувственнаго. Умершій — великанъ, который по своему высокому росту былъ ближе къ отверстію шара. Во время поднятія безъ всякой видимой причины онъ падаетъ, чтобы не вставать болѣе: газъ удушаетъ его. Маленькій же горбунъ, защищенный своимъ согнутымъ положеніемъ, избѣгаетъ смерти, не подозрѣвая даже опасности и того, что онъ обязанъ своему горбу сохраненіемъ жизни.

Въ началѣ царствованія Наполеона III въ департаментѣ Ландовъ перекочевывалъ изъ одного города въ другой человѣкъ, пускавшій шары во время праздниковъ, но никогда самъ не рисковавшій подняться. Боязнь за свою собственную драгоцѣнную особу и нежеланіе упускать изъ

виду шкатулку съ выручкой были двумя могущественными причинами, удерживавшими его на поверхности земли. Когда шаръ былъ достаточно великъ, онъ сажалъ въ него собаку. По мѣрѣ увеличенія выручки онъ увеличивалъ вмѣстимость своего воздушнаго экипажа и сажалъ въ него уже барана.

Такъ какъ всѣ его опыты оканчивались успѣшно, онъ становился смѣлѣе. И чтобы сдѣлать ихъ болѣе привлекательными, онъ посадилъ въ лодку молодую дѣвушку, смѣлую и ловкую, имѣвшую видъ богини, возвращающейся на Олимпъ послѣ нѣкотораго времени, проведеннаго между обитателями земли. Изъ хорошей фамиліи, безукоризненнаго поведенія, Эмма Вердье увлеклась предложеніемъ, не столько ради матеріяльныхъ выгодъ, сколько изъ желанія испытать новыя ощущенія. Эмма была высокая, красивая дѣвушка, съ роскошными волосами; руки ея обладали ловкостью феи и желѣзными мускулами. Мать ея не только дала необходимое согласіе, но даже рѣшилась присутствовать при поднятіи, совершившемся на площади Мон-Марсанъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ.

Долго держался въ виду у всѣхъ маленькій, кокетливый шаръ, украшенный бѣлыми и трехцвѣтными флагами. Но проходитъ ночь и утро— о путешественницѣ никакихъ извѣстій. Поднимается тревога, обыскиваютъ лѣса, расположенные на юго-востокъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ былъ опуститься шаръ. И дѣйствительно находятъ его тамъ, задержаннаго вѣтвями сосенъ, вокругъ которыхъ запутались снасти. Еще издали было замѣчено, что въ лодкѣ развѣвается платье Эммы. Но Эмма не отвѣчаетъ на отчаянные призывы.

Рѣшительные люди влѣзаютъ на деревья, чтобы с...ъ аэростатъ. Каково же было ихъ удив...е, когда они увидѣли молодую воздухоплавательницу, лежащую, вытянувшись, на мѣшкахъ съ баластомъ и, повидимому, спящую. Одинъ изъ нихъ приближается къ молодой дѣвушкѣ, чтобы разбудить ее. Напрасный трудъ... Душа Эммы перешла въ вѣчность.

Дурно направленное поднятіе было такъ быстро, что молодая дѣвушка, выпрямившаяся во весь ростъ, чтобы поклониться толпѣ и бросить послѣдній взглядъ на мать, упала и умерла отъ удушенія.

Золото и имя.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

(*Продолженіе.*)

V.

Оставивъ Скокгофъ, мы посѣтимъ Кастертонъ, старое англійское имѣніе, съ большимъ паркомъ, садомъ и замкомъ въ средневѣковомъ стилѣ.

Крымская война уже окончилась; многіе изъ англійскихъ воиновъ, пощаженные смертью, вернулись домой: одни инвалидами на всю жизнь, другіе находясь между жизнью и смертью, отъ ранъ; лордъ Кастертонъ, находился въ числѣ послѣднихъ.

Онъ волонтеромъ принималъ участіе въ Крымской войнѣ; его храбрость доставила ему всеобщее уваженіе; онъ всегда былъ однимъ изъ первыхъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, что не помѣшало ему остаться въ живыхъ, когда многіе рядомъ съ нимъ умирали. Въ битвѣ на Альмѣ 20 сентября, Эдвина ранили двумя ударами сабли и пулею, его вынесли съ поля битвы въ безнадежномъ состояніи. Первый ударъ сабли былъ поперегъ лба, другой въ правую руку, пуля засѣла въ лѣвомъ боку.

Неизвѣстно удалось ли бы спасти его жизнь извѣстнѣйшимъ хирургамъ, безъ помощи одной сестры милосердія. Распорядясь о выносѣ его съ поля битвы, сестра Марія помогла перевязать ему раны, послѣ чего осталась при немъ сидѣлкою, удивляя докторовъ своею заботливостью и пунктуальностью, такъ что послѣдніе приписывали ей большую часть заслуги въ возвращеніи милорда къ жизни. По вынутіи пули, лихорадка уменьшилась, больной сталъ по немногу приходить въ себя и понимать происходившее вокругъ него, но никого не могъ видѣть, такъ какъ глаза его были повреждены; доктора боялись даже слѣпоты.

Исполняя его желаніе, какъ только ему стало немного лучше, его перенесли на корабль, отвозившій раненыхъ на родину. Онъ не очень страдалъ во время переѣзда, благодаря неутомимой заботливости Маріи, не отходившей отъ него. Она всегда была подъ рукою для успокоенія его страданій или читала книги на французскомъ языкѣ, такъ какъ, по ея словамъ, она не понимала никакого другого языка.

Проходили недѣли, мѣсяцы въ нескончаемыхъ страданіяхъ; Эдвинъ переносилъ ихъ терпѣливо. Онъ большею частью мрачно молчалъ, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ мелодичному голосу Маріи.

Мѣсяцы проходили одинъ за другимъ; онъ перешелъ съ постели на диванъ; когда же наступила весна, ему позволили немного гулять въ паркѣ, съ широкою повязкою на глазахъ, въ сопровожденіи сидѣлки. Иногда Кастертонъ проводилъ нѣсколько часовъ, прислушиваясь къ раскату волнъ, съ однообразнымъ шумомъ разбивавшихся о берегъ. Марія сидѣла у его ногъ въ глубокой задумчивости. Молчаніе прерывалось обыкновенно Кастертономъ, который протягивалъ руку, желая удостовѣриться въ присутствіи Маріи, или же онъ коротко говорилъ:

— Прочтите мнѣ что-нибудь.

Марія, носившая постоянно книгу съ собою, исполняла его желаніе. Разговаривали они очень мало; обращеніе Эдвина было холодно. Его холодность смягчалась во время припадковъ его болѣзни, когда онъ часами лежалъ почти неподвижно, держа ея руку въ своихъ. Но какъ только ему становилось лучше, онъ обращался съ нею по прежнему холодно, хотя терпѣлъ при себѣ только ее одну, постоянно спрашивалъ о ней, когда она удалялась, успокоивался при ея приближеніи.

Однажды, въ маѣ, во время обыкновенной прогулки на берегъ моря, Эдвинъ неожиданно спросилъ Марію:

— Вы, говорятъ, молоды, хороши; что могло принудить васъ сдѣлаться сидѣлкою? Неужели вы не могли найти для себя болѣе удобнаго занятія?

— Милордъ, мною руководитъ одно только желаніе: заботою о страждущихъ ближнихъ исправить сдѣланное мною зло.

— Значитъ вы изъ раскаянія рѣшились подвергнуть свою жизнь опасностямъ войны?

— Нѣтъ, сказала она, покраснѣвъ, — болѣе сильное чувство побудило меня отправиться въ Крымъ.

— Болѣе сильное чувство, чѣмъ раскаяніе? сказалъ лордъ.—Вы только-что сказали, что желали загладить сдѣланное вами зло?

— Да, я желаю этого теперь, но другое чувство побудило меня покинуть отечество и отправиться за соединенными войсками.

— Какое же это чувство?

— Любовь, милордъ! отвѣчала Марія тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Вѣроятно, несчастная, такъ какъ вы искали смерти?

— Нѣтъ, я искала любимаго человѣка, желая быть около него, съ цѣлью помочь ему или умереть съ нимъ.

— Вы живы и не находитесь около него; явное доказательство, какъ женщины исполняютъ свои намѣренія. Дайте вашу руку, пойдемъ! Умеръ любимый вами человѣкъ? спросилъ Эдвинъ, схвативъ Марію за руку.

— Да, онъ умеръ! отвѣчала она, задрожавъ.

Они молча пошли далѣе.

— Мнѣ сообщили, что пуля, убившая леди Кастертонъ, сказалъ онъ, — попала въ нее въ ту минуту, когда она нагнулась надо мною, раненымъ саблею. Справедливо-ли это?

— Да, мнѣ тоже разсказывали такъ, отвѣчала Марія.

— Развѣ вы не были съ нею? Докторъ, кажется, говорилъ, что и вы были тамъ...

Кастертонъ остановился, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Я пришла туда немного позже.

— Видѣли вы ее мертвой? спросилъ онъ, крѣпко сжимая ея руку въ своихъ.

— Ахъ, милордъ, будьте добры, оставимте эту тему, прошептала Марія.

Лордъ пошелъ далѣе, не говоря ни слова. Войдя въ библіотеку, гдѣ онъ обыкновенно отдыхалъ послѣ прогулки, онъ приказалъ придвинуть диванъ къ дверямъ. Отдохнувъ немного, онъ позвалъ Марію.

— Подойдите, сядьте здѣсь, сказалъ онъ, указывая на скамейку около дивана. — Дайте мнѣ вашу руку!

Марія исполнила его желаніе.

— Я хочу, чтобы вы разсказали мнѣ, какъ умерла леди Кастертонъ.

— Милордъ! воскликнула Марія испуганнымъ голосомъ.

— Развѣ вы не слышите, я требую исполненія моей воли, вспыльчиво прервалъ ее Эдвинъ.— Или вы воображаете, что у меня до того ослабли нервы, что я не въ силахъ выслушать разсказъ о случаѣ, возвратившемъ мнѣ свободу! Я долженъ узнать подробности; если вы не желаете разсказать мнѣ, я позову Яма, который находился около меня, когда я упалъ, и помогалъ вынести меня. Ему должно быть извѣстно, какъ умерла леди Кастертонъ.

Отдернувъ свою руку изъ рукъ Эдвина, Марія сказала кротко, но твердо:

— Я не могу дать вамъ желаемаго объясненія, но, если прикажете, я позову Яма.

— Хорошо.

Марія позвонила.

— Поправьте повязку, сказалъ Эдвинъ.

Она быстро подошла къ нему; Ямъ вошелъ, когда она поправляла повязку.

— Если позволите, милордъ, я уйду не надолго, сказала Марія.—Пока Ямъ здѣсь, вы не нуждаетесь во мнѣ.

— Вы останетесь, отвѣчалъ Эдвинъ, схвативъ ее за руку.—Я желаю, чтобы вы остались здѣсь.

Марія сѣла, не смѣя противорѣчить изъ боязни взволновать его; поднявъ глаза, она замѣтила, что на лицѣ его, на половину закрытомъ повязкою, появился живой румянецъ, явный признакъ лихорадочнаго волненія.

— Ямъ, сказалъ лордъ,—разскажите мнѣ, какъ умерла леди Кастертонъ?

— Выстрѣлы попали въ миледи въ ту минуту, когда она нагнулась надъ милордомъ: одинъ въ спину, другой раздробилъ ей голову; смерть была мгновенна. Таже участь постигла бы м-ль Марію, не опоздай она на нѣсколько минутъ.

— Куда отнесли тѣло убитой леди?

— Леди похоронили вмѣстѣ съ другими.

— Ступайте.
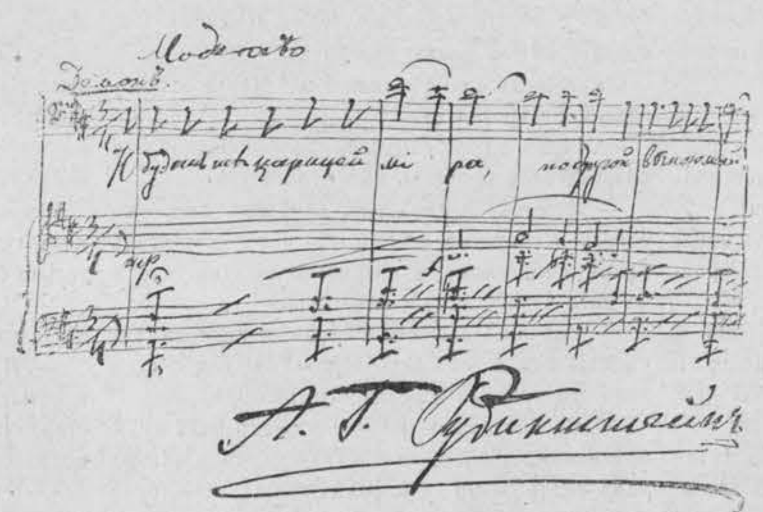
Выпустивъ руку Маріи, онъ провелъ рукою по повязкѣ.

— Ахъ, милордъ, воскликнула Марія, — разсказъ взволновалъ васъ; я вижу, ваша рана опять болитъ. Не забывайте, что вамъ необходимѣе всего спокойствіе,

— Спокойствіе! повторилъ Эдвинъ съ особен-

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

А. Г. РУБИНШТЕЙНЪ.

нымъ удареніемъ. — Ужь не воображаете-ли вы, что я спокоенъ, потому что молчу. Впрочемъ, мнѣ нечего дорожить жизнью, вамъ извѣстно, какъ несчастна была моя судьба.

— Вы очень любили леди Кастертонъ, сказала Марія, вставъ около него на колѣни, — если мысль о ея смерти такъ волнуетъ васъ.

Она въ первый разъ рѣшилась сама заговорить объ Эльвирѣ.

— Да, я любилъ ее! Все же я благодарю судьбу, что такъ случилось.

— Развѣ она была недостойна вашей любви?

— Достойна-ли была леди Кастертонъ моей любви? Если-бы она была недостойна любви, я не могъ бы любить ее такъ сильно. Однакожь, она не могла сдѣлать меня счастливымъ; насъ что-то отдаляло другъ отъ друга, а потому мнѣ пріятнѣе оплакивать ее мертвую.

Марія задрожала.

— Вамъ холодно, Марія, вы дрожите? здоровы ли вы? спросилъ Эдвинъ мягко.

— Ничего, милордъ, легкая дрожь, она уже прошла.

— Не нуженъ-ли вамъ покой, не слишкомъ-ли напрягаете вы свои силы?

Марія настаивала, что она хорошо себя чувствуетъ и лордъ попросилъ ее прочитать что-нибудь. Но чтеніе какъ-то не ладилось, голосъ ея былъ нетвердъ, глаза по временамъ наполнялись слезами.

— Оставьте книгу, Марія, сказалъ лордъ, — и скажите, что могло такъ сильно взволновать васъ? Желалъ бы я увидать ваше лице съ выраженіемъ горя, которое вы не въ силахъ скрыть.

— Какъ можетъ это интересовать васъ, милордъ? спросила она, закрывъ лицо руками.

— Неужели я могу безучастно относиться къ вамъ, которая ухаживала недѣли, мѣсяцы, за мною. Развѣ вы не понимаете, что меня привязываетъ къ вамъ благодарность.

— Нѣтъ, я этого не понимаю! Вы обѣщали заплатить мнѣ за труды, если я соглашусь проводить васъ въ Англію; я же не ожидала никакой другой награды, кромѣ сознанія, что добросовѣстно ухаживала за вами. Впрочемъ, разставаясь съ вами, я не возьму денегъ, онѣ не нужны мнѣ; выздоровленіе ваше будетъ моею единственною наградою; вы не обязаны мнѣ никакою благодарностью.

— Вы, какъ я вижу, не желаете получить отъ меня ни матеріяльной, ни моральной признательности.

— Я ничего не хочу отъ васъ такого, чего не могла бы удержать!

— Что можетъ помѣшать вамъ удержать деньги и благодарность?

— Я не нуждаюсь въ первомъ, послѣднее же причинитъ мнѣ страданіе, такъ какъ придется разлучиться съ вами.

— Разлучиться! повторилъ Эдвинъ. — Зачѣмъ? спросилъ онъ тономъ, принудившимъ Марію отодвинуться.

— Какъ зачѣмъ? Вы черезъ двѣ, много три недѣли, не будете нуждаться въ моемъ уходѣ; теперь вы поправились настолько, что мое присутствіе можетъ показаться вамъ лишнимъ.

— Значитъ, вы намѣреваетесь покинуть меня?

— Я останусь до полнаго вашего выздоровленія; затѣмъ наши дороги разойдутся.

— Не думаю. Я надолго, а можетъ быть и навсегда, лишенъ зрѣнія; подумали-ли вы о томъ, какъ скучна будетъ моя жизнь, если мнѣ, одинокому, придется прожить съ грустными воспоминаніями здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, не видя свѣта, не имѣя никого, кто бы могъ доставить мнѣ нѣсколько минутъ забвенія въ моей грусти. Если вы принимаете хотя малѣйшее участіе въ моей судьбѣ, вы должны понять, что ваша забота обо мнѣ можетъ прекратиться только съ возвращеніемъ мнѣ зрѣнія.

Марія молчала; прождавъ напрасно нѣсколько времени ея отвѣта, Кастертонъ прибавилъ гордымъ тономъ:

— Отказываясь отъ всякаго вознагражденія за ваши заботы обо мнѣ, вы доказываете, что вами руководило только исполненіе долга. Пусть будетъ такъ! Но если вы хотите дѣйствовать добросовѣстно, вы должны оставаться при больномъ, пока ваше присутствіе необходимо ему или пока вы можете успокоивать его страданія.

— Я останусь до тѣхъ поръ, когда съ увѣренностью можно будетъ сказать, что страданія къ вамъ не вернутся; тогда вы пріищете особу болѣе меня способную изгладить слѣды воспоминанія о прошломъ.

— Существуетъ-ли такая особа? спросилъ Кастертонъ, протягивая ей руку.

— Надѣюсь. Я увѣрена, вы даже не пожалѣете обо мнѣ, когда ваши силы возвратятся.

— Мнѣ кажется, вы правы, прервалъ ее холодно Кастертонъ; — я и не прошу васъ оставаться, вы свободны дѣйствовать, какъ желаете!

VI.

Марія занималась приготовленіемъ чая, когда на другое утро лордъ вошелъ въ сопровожденіи доктора; онъ былъ очень оживленъ.

— Чай готовъ? спросилъ онъ Марію, не отвѣчая на ея вопросъ объ его здоровьѣ. — Дайте его доктору и мнѣ... Сдѣлайте одолженіе, прибавилъ онъ, обратясь къ доктору, — прочтите мнѣ англійскія газеты; я принужденъ былъ разстаться съ своимъ секретаремъ. Но мнѣ мучительно вѣчно слышать одинъ французскій языкъ; меня часто досаждаетъ сидѣлка, не понимающая англійскаго языка, я даже намѣреваюсь отказать ей. Могу-ли я, по вашему мнѣнію, обойдтись безъ ея ухода?

— Да, милордъ, можете.

— Въ такомъ случаѣ я, можетъ быть, постараюсь замѣнить ее англичанкой.

Марія не отходила отъ открытаго окна. Докторъ, прочитавъ газеты, ушелъ, предупредивъ Эдвина о томъ, что Марія находится въ комнатѣ.

— Вы здѣсь, Марія? спросилъ Эдвинъ.

— Да, милордъ, отвѣчала молодая женщина, не подходя. — Не прикажете-ли чего-нибудь?

— Подойдите ко мнѣ. Я чувствую потребность услыхать вашъ голосъ.

— Вы, милордъ? воскликнула Марія, медленно подвигаясь впередъ.

— Чего вы удивляетесь? Еще вчера я говорилъ вамъ, что вы мнѣ необходимы.

— Ахъ, право, милордъ, вы слишкомъ добры, но...

— Я вижу, вы не хотите понять меня, прервалъ ее Эдвинъ, — и желаете деликатно замѣтить мнѣ, что, посвятя себя милосердію, вы не хотите знать никакихъ другихъ интересовъ... Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ. Почитайте мнѣ, я желаю разсѣяться.

Подойдя къ столу съ книгами, Марія остановилась, не трогая ихъ.

— Развѣ вы не слыхали, сказалъ Эдвинъ, — я просилъ васъ прочесть мнѣ что-нибудь.

— Я слыхала, милордъ, отвѣчала она, — но невольно подумала о томъ, что вамъ непріятенъ французскій языкъ, и мнѣ стало досадно, что я не могу читать вамъ по-англійски.

— Вы, какъ я вижу, хорошо понимаете англійскій языкъ, сказалъ Эдвинъ съ улыбкою и лицо его приняло довольное выраженіе.

— Въ настоящую минуту я очень рада пріобрѣтенному знанію, я поняла, какъ непріятно вамъ имѣть около себя француженку; я сегодня же готова избавить васъ отъ этого мученія. Вы не нуждаетесь болѣе въ моемъ уходѣ, сказала она слегка дрожащимъ голосомъ.

— Вы хотите лишить меня лучшей изъ всѣхъ сидѣлокъ, съ горечью сказалъ онъ.

— Я только желаю избавить васъ отъ непріятности отсылать меня!

— Тоскуя о Франціи, вы хотите воспользоваться моими словами; уѣхавъ отсюда, вы послѣдуете своему сердечному желанію.

— Мое сердечное желаніе! повторила Марія голосомъ, отъ котораго Эдвинъ обернулся.

— Ваше желаніе увидѣть отечество очень естественно, даже надежда радуетъ васъ! Не имѣя храбрости, вы боялись объясниться со мной, пока думали, что я нуждаюсь въ вашей помощи.

— Никогда не рѣшилась бы я на это, не скажи вы при мнѣ, что присутствіе мое служитъ вамъ мученіемъ.

— Вчера еще вы дали мнѣ замѣтить ваше намѣреніе удалиться, прервалъ онъ ее.

— Я это сдѣлала для того... для того...

Она замолчала; лордъ потребовалъ стаканъ воды. Взявъ изъ ея рукъ стаканъ, онъ сказалъ коротко и холодно, схвативъ ея руку:

— Скажите мнѣ честно, зачѣмъ хотѣли вы вчера дать мнѣ понять о своемъ намѣреніи вернуться въ отечество?

— Не могла я намекать вамъ о томъ, о чемъ никогда не думала! Я хотѣла узнать, желаете-ли вы, чтобы я осталась.

— Не смотря на выраженное мною желаніе, вы сказали, что не долго останетесь здѣсь.

— Я надѣялась, что вы попросите меня остаться.

Марія оперлась горячимъ лбомъ на ручку дивана, точно боялась, что Кастертонъ замѣтилъ краску на ея лицѣ.

— Что отвѣтили бы вы, еслибъ я сказалъ вамъ: Марія останьтесь, ваше присутствіе необходимо мнѣ, какъ воздухъ, которымъ я дышу.

— О, милордъ, прошептала она, — скажи вы эти слова — я была бы счастлива, но теперь... теперь я знаю...

— Что я намѣревался отказать вамъ, не будучи въ силахъ выносить чужого языка и т. д.

— Да! Я рѣшилась удалиться, сказала она, заплакавъ.

— Вы плачете? спросилъ Эдвинъ, услыхавъ ея подавленныя рыданія.

— Да, я плачу, сказала Марія, отодвигая его руки, — плачу о томъ, что вы желаете избавиться отъ меня изъ-за языка. Я не съумѣла исполнить принятой на себя обязанности, не смотря стараніе ухаживать такъ, чтобы никто не могъ замѣнить меня. О, милордъ! я желала бы умереть въ настоящую минуту, такъ горько воспоминаніе о томъ, что вы отослали меня!

— Если-бы вы умерли, что сталъ бы я дѣлать безъ васъ? спросилъ онъ.

Задрожавъ при звукахъ его голоса, Марія отодвинулась отъ лорда, желавшаго обнять ее.

— Избавились бы отъ мученія, прошептала Марія.

— Глупая дѣвушка, не отодвигайся, а лучше выслушай меня! Высказавшись такъ ясно, вы не можете удалиться безъ объясненія! Ваша щекотливость можетъ принести несчастье какъ вамъ, такъ и тѣмъ, кого вы любите.

Откинувшись на подушку дивана, лордъ замолчалъ; взглянувъ на него, она увидала смертельно блѣдное лице его.

— Милордъ, вы не хорошо себя чувствуете? испуганно спросила она.

— Я давно не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ настоящую минуту, сказалъ Кастертонъ. — Отъ васъ, Марія, зависитъ, чтобы я постоянно находился въ такомъ состояніи.

— Отъ меня! Въ такомъ случаѣ вы никогда не будете страдать!

— Вполнѣ-ли вы увѣрены? Можете-ли ручаться, что не причините мнѣ страданія?

— Да! Я сама готова подвергнуться всему, только бы избавить васъ отъ малѣйшаго страданія.

— Марія, докажите справедливость своихъ словъ: останьтесь у меня до возвращенія моего зрѣнія, если же я ослѣпну, то навсегда, и вы будете свѣтомъ моихъ глазъ, моимъ утѣшеніемъ, ангеломъ моей жизни.

Эдвинъ почувствовалъ горячія губы на своей рукѣ.

— Я останусь до тѣхъ поръ, пока вы не прогоните меня, сказала она дрожащимъ голосомъ, послѣ чего быстро удалилась въ свою комнату.

— Наконецъ-то! прошепталъ Эдвинъ, глубоко вздохнувъ.

Но послѣ этого разговора лордъ по прежнему обращался съ Маріею холодно и сдержанно. Иногда случалось ему разговаривать съ нею, но въ его обращеніи не было и тѣни дружбы.

Однажды, по окончаніи чтенія одного изъ произведеній Вольтера, Эдвинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о знаменитомъ писателѣ, Марія стала возражать ему. Заинтересованный споромъ, Эдвинъ прервалъ его слѣдующими словами:

— Меня удивляетъ полученное вами образованіе, Марія! Вы, вѣроятно, происходите изъ состоятельнаго буржуазнаго семейства?

— Я дочь бѣдныхъ ремесленниковъ, отвѣчала она.

— Странно! Какъ же тогда получили вы хорошое, основательное образованіе?

— Если вы подъ хорошимъ образованіемъ подразумѣваете то, что я съ малолѣтства училась, то вы не ошибаетесь.

— Какъ могло это случиться, если вы происходите изъ семьи ремесленниковъ? спросилъ Кастертонъ.

— Я всѣмъ обязана добротѣ посторонняго человѣка.

— Вы сказали мнѣ однажды, что любовь привела васъ въ Крымъ, сказалъ, подумавъ, Эдвинъ, — мнѣ было бы очень интересно узнать что-нибудь о вашихъ родителяхъ... Не разскажете-ли вы мнѣ исторію вашей жизни?

— Съ удовольствіемъ, милордъ, только не теперь, а когда ваше зрѣніе вернется и я принуждена буду удалиться отсюда.

— А если я ослѣпну и вамъ придется остаться здѣсь навсегда?

— Тогда я исполню ваше желаніе.

— Отчего же не теперь?

— Правды я сказать не могу; лгать не хочу.

Кастертонъ перемѣнилъ разговоръ.

— Докторъ предписалъ мнѣ перемѣну воздуха, сказалъ онъ, — въ слѣдующемъ мѣсяцѣ я предпринимаю морское путешествіе. Надѣюсь, вы останетесь вѣрны своему обѣщанію?

— Я всегда держу свое слово, но...

— Желаете, чтобы я возвратилъ вамъ свободу...

— Я боюсь путешествій, потому желала бы, чтобы вы не покидали Кастертона.

— Значитъ, предпочитаете остаться здѣсь?

— Да, если вы останетесь.

Вошедшій слуга доложилъ Кастертону о французскомъ офицерѣ, желавшемъ сообщить лорду кое-что, касающееся покойной миледи.

Вскорѣ вошелъ капитанъ Штромъ; на лицѣ его выразилось изумленіе, когда онъ увидалъ Марію; она же быстро удалилась, какъ бы оскорбленная его смѣлымъ взоромъ.

Когда по уходѣ капитана лордъ позвалъ Марію, прислуга нигдѣ не могла найдти ее; только къ вечеру вошла она въ библіотеку. Кастертонъ, безпокойно ходившій по комнатѣ, закричалъ, услыхавъ ее шаги:

— Вы-ли это, Марія?

— Да, милордъ, но отчего никто не водитъ васъ по комнатѣ. Какъ вы неосторожны, съ упрекомъ сказала она, остановясь около него.

— Вы сами во всемъ виноваты, Марія, отвѣчалъ Кастертонъ, кладя руку на ея плечо, — гдѣ вы были? Васъ вездѣ искали и не нашли; нетерпѣніе не давало мнѣ покоя.

— Не могли же вы безумно вообразить себѣ, что я удалилась?

— Я не зналъ, что подумать.

— Я обѣщала оставаться около васъ, лордъ Кастертонъ, пока вы сами не отошлете меня.

— Дайте вашу руку въ залогъ обѣщанія.

— Вотъ она, сказала Марія, протягивая ему руку.

— Вы приковали себя на всю жизнь, сказалъ Кастертонъ съ грустною улыбкою, — никогда не попрошу я васъ удалиться.

Въ концѣ мая онъ сказалъ Маріи:

— Черезъ недѣлю мы покинемъ Кастертонъ; я желаю посѣтить имѣніе моей покойной жены, въ Швеціи; вы поѣдете со мной!

— Я? испуганно воскликнула Марія.

— Какъ! Вы отказываетесь, вы опять готовы отступиться? Не будемъ даромъ терять словъ! Мы отправимся черезъ семь дней.

Видя, что онъ твердо рѣшился, она смиренно опустила голову. Черезъ недѣлю они выѣхали изъ Кастертона.

Еще весной повѣренный лорда явился въ Тимасіо и отпустилъ старую прислугу подъ тѣмъ предлогомъ, что Кастертонъ не желаетъ видѣть людей, напоминающихъ ему о покойной женѣ. Инспектора и Лотти перевели въ Альтропъ. Армиду повѣренный попросилъ выѣхать, причемъ объявилъ, что она будетъ получать пенсію, назначенную ей Эльвирою. Домикъ Лотти былъ предназначенъ для м-съ Бровъ, экономки богатаго лорда. По ея пріѣздѣ съ англійскою прислугою приступили къ поправкѣ замка, сообразжаясь со вкусомъ лорда, желавшаго, какъ казалось, поселиться здѣсь на долгое время. Понятно, что въ мѣстечкѣ только и разговору было, что о пріѣздѣ лорда.

И капитанъ Штромъ послѣ полугодового отсутствія вернулся въ Скокгофъ въ концѣ мая. Марта проводила все время безвыѣздно въ деревнѣ, она ни разу не посѣтила столицы, не была даже у сосѣдей.

По отъѣздѣ Штрома, Марта не любила встрѣчаться съ посторонними, не желая отвѣчать на вопросы, какъ могъ капитанъ покинуть молодую жену черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы; она не принимала даже Армиду. Напрасно старался полковникъ уговорить ее проѣхаться на нѣсколько дней въ Стокгольмъ отдохнуть, послушать музыку; никакія искушенія не могли заставить ее перемѣнить уединенный образъ жизни, къ которому она пристрастилась. Дошло до того, что полковникъ, желая разсѣяться, принужденъ былъ приглашать однихъ мужчинъ, такъ какъ Марта объявила, что не намѣрена выходить къ гостямъ. Знакомые, удивляясь поведенію Марты, принялись за клевету и сплетни.

— Пусть ихъ болтаютъ, сказала Марта, когда отецъ сообщилъ ей объ этихъ сплетняхъ. — Я застрахована отъ ихъ любопытныхъ вопросовъ, странныхъ взглядовъ и двусмысленныхъ улыбокъ, а это все, чего я хочу.

Не получая писемъ отъ мужа, она не знала, куда онъ поѣхалъ, гдѣ останавливался; говоря правду, она и не безпокоилась о немъ, боясь его возвращенія. Прочитавъ письмо Кастертона къ Эльвирѣ, Марта почувствовала слабость, точно послѣ тяжелой болѣзни; оно отняло у нея силу, надежду, бодрость. Единственный человѣкъ, дѣйствительно любимый ею, смотрѣлъ на нее только какъ на средство возбудить ревность въ любимой имъ женщинѣ. Увѣренная въ его любви, она интриговала, сплетничала, когда онъ игралъ комедію, представляясь влюбленнымъ. Марта скорѣе утѣшилась бы въ обманѣ, обладай она поверхностными чувствами или прежнимъ мелочнымъ своекорыстнымъ характеромъ; теперь-же, имѣя болѣе глубокія чувства, больше гордости, властолюбія, она не могла утѣшиться при мысли, что сердце его никогда не принадлежало ей, что она на всю жизнь прикована къ человѣку, котораго ненавидѣла бы, если бы не боялась такъ сильно.

При наступленіи весны Марта стала чаще выходить на воздухъ; во время этихъ прогулокъ, продолжавшихся иногда по цѣлымъ часамъ, королева салоновъ, какъ называли ее въ свѣтѣ, выбирала самыя уединенныя мѣста. Часто сидѣла она на дикой скалѣ, предаваясь сильному отчаянію или жалуясь на судьбу.

Мартѣ нѣсколько разъ случалось встрѣчать магистра Брогрена. При первой встрѣчѣ, въ апрѣлѣ, Фредерикъ, увидавъ Марту, сидѣвшую на камнѣ подъ деревомъ, поклонился, намѣреваясь пройти мимо, но она встала и заговорила съ нимъ. Фредерикъ Брогренъ былъ любезнымъ молодымъ пасторомъ, въ обращеніи котораго кротость, дружественность, въ соединеніи со свѣжестью молодости, внушали невольное уваженіе. Марта сама не понимала причины, принудившей ее искать сближенія съ молодымъ человѣкомъ. Во второй разъ она встрѣтилась съ нимъ въ концѣ мая; взобравшись на холмъ, съ прекраснымъ видомъ на море, Марта застала на немъ Фредерика и опять завела съ нимъ разговоръ. Провожая ее по дорогѣ въ Скокгофъ, Фредерикъ упомянулъ объ Эльвирѣ; онъ обрисовалъ ея характеръ въ короткихъ чертахъ, съ участіемъ вспоминая о ней, что не совсѣмъ пріятно подѣйствовало на Марту.

На другой день, послѣ обѣда, Марта долго гуляла и, возвращаясь домой усталая, замѣтила высокаго господина, идущаго къ ней на встрѣчу.

— Вернулся! прошептала она, прижавъ руки къ груди.

— Вотъ я и пріѣхалъ! сказалъ Штромъ, привѣтливо пожимая ея руку.

На лицѣ Марты не видно было радости, но размышленія въ одиночествѣ привели ее къ заключенію, что ей необходимо скрывать свои чувства. Она встрѣтила мужа, хотя холодно, но привѣтливо.

— Я привезъ съ собою отца, продолжалъ онъ, — который проживетъ съ нами до нашего отъѣзда изъ Швеціи. Надѣюсь, Марта, ты будешь добра съ нимъ; онъ много страдалъ и нуждается въ твоемъ уходѣ.

Придя домой, Штромъ прямо повелъ жену въ комнату своего отца.

— Арвидъ, сказала Марта, — я право не могу видѣть его сегодня, позволь мнѣ приготовиться къ этой встрѣчѣ.

— Это лишнее, возразилъ Штромъ, — онъ ничего не знаетъ и ты можешь поздороваться съ нимъ безъ принужденія.

Въ большомъ креслѣ сидѣлъ старикъ, походившій скорѣе на мумію, чѣмъ на живое существо, до того кожа его была желта, суха, взоръ неподвиженъ; онъ былъ слѣпъ.

— Вотъ моя жена, Марта Стангенскіольдъ, сказалъ Штромъ, слегка трогая отца за плечо; — она желаетъ поздравить тебя съ пріѣздомъ.

— Марта, Марта, сказалъ старикъ, слабымъ, дрожащимъ голосомъ, протягивая къ ней руку; — какъ много напоминаетъ мнѣ это имя, какъ пріятно оно моему сердцу! Подойди, дочь моя, я желаю обнять, благословить тебя!

Трудно было узнать надменную, безсердечную Марту въ женщинѣ, нагнувшейся въ настоящую минуту къ этой человѣческой развалинѣ, и поцѣловавшей холодную руку старика.

Сказавъ что-то старику, Штромъ попросилъ Марту остаться, пока онъ будетъ въ отсутствіи.

— Арвидъ, прошептала Марта, стремительно схвативъ капитана за руку, — будь сострадателенъ, позволь мнѣ уйти.

— Ты говоришь о состраданіи, сказалъ Штромъ, смотря ей прямо въ глаза; — тебѣ скоро придется повторить эту просьбу, теперь же она неумѣстна. Я хочу, чтобы ты осталась здѣсь.

— Говорятъ, съ лордомъ пріѣхала француженка, ухаживавшая за нимъ со дня битвы при Альмѣ. Никто изъ постороннихъ не видалъ ея лица, потому что, выходя изъ дому, она постоянно носитъ густой вуаль. Кстати, ты вѣрно слышала, что жизнь Кастертона была въ опасности, онъ теперь поправился, но онъ слѣпъ.

— Слѣпъ! вскричала сильно поблѣднѣвшая Марта.

кузинѣ, графинѣ Мурвиль; сидѣлка подъ густой вуалью, кажется, никто иная, какъ его первая возлюбленная; мнѣ одному извѣстна эта тайна. Я мелькомъ видѣлъ ее, посѣтивъ Кастертона въ Англіи.

— Ты былъ у Кастертона? спросила Марта, едва удерживая крючекъ въ дрожащихъ рукахъ.

— Да, я счелъ своею обязанностью сообщить лорду нѣкоторыя свѣдѣнія о родителяхъ леди

ДРАМЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

...Рѣшительные люди взлѣзаютъ на деревья... (См. стр. 507.)

Штромъ отправился къ полковнику, который на другой день уѣхалъ изъ Скогкофа, объясняя свой отъѣздъ спѣшными дѣлами, но обѣщая вернуться еще во время лѣта.

Въ началѣ августа, капитанъ, разговаривая съ женою о перестройкахъ въ Тимасіо, спросилъ ее:

— Знаешь-ли ты, что Кастертонъ пріѣхалъ на прошлой недѣлѣ?

— Нѣтъ, это для меня новость, отвѣчала Марта, сильно покраснѣвъ.

— Тебя сильно взволновало это извѣстіе, сказалъ Штромъ; — впрочемъ, ты послужила причиной его несчастья.

— Я? пробормотала она.

— Да, если не ошибаюсь, тебѣ съ извѣстной дѣвицею Армидой удалось такъ поссорить лорда съ женою, что онъ отправился на войну. Отсюда выводъ, что ваши интриги довели его до потери зрѣнія, а жена его поплатилась жизнью. Кастертону удалось найти утѣшительницу въ своей

Кастертонъ. Онъ уже почти совсѣмъ поправился; при немъ находилась хорошенькая сидѣлка. При моемъ входѣ она быстро удалилась, но, какъ мнѣ кажется, я узналъ прекрасную графиню, которую встрѣчалъ въ парижскомъ обществѣ.

И онъ долго еще разсказывалъ о Кастертонѣ и его хорошенькой сидѣлкѣ, причиняя страданія Мартѣ. Но оставимъ ихъ и направимся въ Тимасіо.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Гусситы подъ Наумбургомъ. Небольшой, но старинный нѣмецкій городъ Наумбургъ пережилъ не мало историческихъ событій. Впрочемъ, оно и не мудрено: онъ насчитываетъ чуть не тысячу лѣтъ историческаго существованія, о которомъ гласятъ его городскія лѣтописи и книги, его храмы въ родѣ собора, построеннаго въ 1207—1242 годахъ, наконецъ его праздники, въ родѣ праздника «Гусситовъ». Посѣтивъ Наумбургъ 28 іюля, вы непремѣнно будете изумлены процесіями всѣхъ городскихъ школьниковъ за городъ: это они справляютъ праздникъ въ память гусситовъ. Преданіе говоритъ, что гусситы во времена Прокопія (28 іюля 1432 г.), осадили Наумбургъ и ему грозили разореніе и голодъ. Тогда наумбургцы, видя неминуемую гибель, рѣшились умолять непріятелей о пощадѣ и, чтобы больше ихъ разжалобить, выслали въ видѣ заступниковъ и просителей своихъ дѣтей, которымъ и удалось смягчить сердца воинствовавшаго народа. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, какъ напр. Рейнманъ, сомнѣваются въ томъ, что этотъ фактъ дѣйствительно былъ, но народъ крѣпко держится своего преданія и, согласно съ народнымъ разсказомъ, и художникъ переноситъ на полотно сцену изъ этого событія. Картина Ярослава Чермака, знакомаго уже нашимъ читателямъ, прелестна: она полна поэзіи, экспресіи и простоты. Превосходно схвачены выраженія суровыхъ народныхъ бойцовъ-гусситовъ и не менѣе характерны фигурки маленькихъ заступниковъ, можетъ быть, не совсѣмъ еще понимающихъ важность своего посольства. Чѣмъ больше всматриваешься въ подобныя картины, тѣмъ болѣе мелочныхъ прекрасныхъ подробностей открываешь въ нихъ.

Исповѣдь Шута. Стараясь исчерпать всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя картины парижской выставки нынѣшняго года, мы не могли не остановиться на оригинальной картинѣ Фраппа: «Исповѣдь шута»; это произведеніе очень характерно: шуты не разъ уже служили темой для картинъ художниковъ, давая послѣднимъ самыя разнообразныя сюжеты. Наши читатели конечно помнятъ «Шута» Матейко, «Любимца короля» Замакоиса,—картины, помѣщенныя у насъ. Иногда шуты служили сюжетомъ для картинъ, которымъ суждено остаться на долго въ памяти общества, какъ напр., картинѣ В. И. Якобія «Шуты Анны Іоанновны». Картина Фраппа тоже беретъ дѣйствующимъ лицомъ шута и беретъ его въ минуту исповѣди, когда онъ, спрятавъ гремушку, разсказываетъ разные ужасы отшатнувшемуся отъ него священнику. Шутитъ онъ преступленіями или онъ точно преступникъ? Продолжаетъ-ли онъ и здѣсь быть шутомъ или онъ является обезумѣвшимъ отъ сознанія своихъ грѣховъ человѣкомъ? Какъ знать! Ясно только одно, что разсказъ шута страшенъ, трагиченъ, безуменъ и что ужасъ священника безпредѣленъ. Картина написана блистательно по краскамъ, фигуры удачно расположены.

Шекспиръ при дворѣ Елизаветы. Извѣстно, что королева Елизавета очень любила произведенія Шекспира, что онъ, какъ говорятъ, написалъ по ея желанію «Виндзорскихъ кумушекъ». Это подало поводъ художнику изобразить блестящій дворъ королевы Елизаветы, собравшійся слушать чтеніе величайшаго изъ поэтовъ, одушевленно читающаго одно изъ своихъ произведеній. Шекспиръ изображенъ здѣсь во дни его молодости.

Кромѣ этихъ картинъ въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ картину къ статьѣ «Драмы въ воздухѣ», прелестную головку «Дѣвочки, продающей фрукты» и портретъ А. Н. Рубинштейна. Портретъ нашего знаменитаго композитора гравированъ г. Маттэ съ портрета, доставленнаго намъ по нашей просьбѣ самимъ композиторомъ, любезно приложившимъ къ портрету и свое музыкальное факсимиле. Награвированъ портретъ, какъ видятъ, читатели, превосходно.

Смѣсь.

— **Памятникъ Лермонтову.** Въ газетѣ «Русскій Міръ» напечатано: 23 іюля 1871 года высочайше разрѣшена повсемѣстная подписка для сбора добровольныхъ приношеній на сооруженіе въ городѣ Пятигорскѣ памятника поэту М. Ю. Лермонтову. 30 сентября 1875 года, вскорѣ по присоединеніи къ Терской области округа кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ разрѣшенія его императорскаго высочества намѣстника, учрежденъ въ городѣ Владикавказѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника Терской области, особый комитетъ по сооруженію означеннаго памятника. Начавшееся около этого времени въ нашемъ отечествѣ движеніе въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, выразившееся повсемѣстными для нихъ денежными сборами, а затѣмъ наступившая война съ Турціею, вызвавшая также усиленныя пожертвованія на военныя нужды,— все это, конечно, до того неблагопріятно отразилось на подпискѣ для сооруженія памятника поэту, что комитетъ счелъ за лучшее на время пріостановить свои дѣйствія. Только по водвореніи мира, а съ нимъ и нормальнаго хода жизни народной, комитету открылась возможность возобновить свои приглашенія къ пожертвованіямъ, первоначально въ районѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ—въ мѣстности, прославленной Лермонтовымъ, гдѣ предполагается поставить ему памятникъ и гдѣ до сихъ поръ еще все полно воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ его жизни и преждевременной смерти. Посѣтители водъ съ глубокимъ сочувствіемъ отозвались на приглашеніе комитета и втеченіи минувшаго лѣта было собрано на всѣхъ группахъ водъ 2,638 р. 54 к., что, вмѣстѣ съ преждесобранными и процентами 4,339 р. 41 к., составитъ сумму 6,977 р. 95 к. Эта сумма въ настоящее время представляетъ собою весь капиталъ, имѣющійся въ распоряженіи комитета, капиталъ, далеко недостаточный, не только для сооруженія хотя бы самаго скромнаго памятника поэту, но даже для составленія его проекта. Поэтому комитетъ нынѣ считаетъ своею обязанностью пригласить къ пожертвованіямъ все русское общество, вполнѣ надѣясь, что оно съ сочувствіемъ отзовется на призывъ. «Русскій Міръ» предлагаетъ желающимъ свое посредничество въ пересылкѣ денегъ въ комитетъ. Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» въ свою очередь предлагаетъ гг. подписчикамъ, желающимъ пожертвовать на это дѣло, присылать деньги въ редакцію, а она будетъ отправлять ихъ въ комитетъ.

— **Дорогіе банковые билеты.** Англійскій банкъ выпустилъ четыре банковыхъ билета на 100,000 ф. ст. каждый. Послѣ ихъ отпечатанія, доска была уничтожена. Одинъ изъ этихъ билетовъ принадлежитъ Ротшильду, другой Кутсу, третій находится въ самомъ банкѣ, а четвертый можно видѣть у англійскаго банкира и поэта Роджерса.

— **Голова Генриха Грея,** герцога Суфолькскаго и отца Іоанны Грей, казненнаго въ 1644 году, во время царствованія Маріи Тюдоръ, за измѣну, недавно найдена въ одной изъ древнѣйшихъ церквей Лондона. Голова эта такъ хорошо сохранилась въ древесныхъ опилкахъ, что сомнѣваться въ ея происхожденіи невозможно. Черты лица сохранили полнѣйшее сходство съ портретами покойнаго графа и на шеѣ ясно виднѣются два надрѣза, сдѣланные неудачными ударами топора. Голова эта лежитъ въ жестяномъ ящикѣ, изъ котораго ее вынимаютъ и показываютъ каждому желающему.

— **Оригинальное завѣщаніе.** Одна пожилая дѣвушка оставила духовное завѣщаніе, по которому предоставляла все свое состояніе братьямъ, но только она сдѣлала оговорку относительно одного изъ нихъ, пожилого холостяка, что часть наслѣдства достанется ему лишь въ такомъ случаѣ, если онъ не женится. Не взирая на то, что господинъ этотъ всегда былъ противъ брака, сонаслѣдники не соглашаются выдать ему слѣдуемую часть наслѣдства, подъ тѣмъ предлогомъ, что только въ день его смерти сдѣлается извѣстнымъ — остался-ли онъ холостякомъ или нѣтъ.

— **Метеоры.** Въ одной изъ венгерскихъ газетъ передаютъ слѣдующее рѣдкое явленіе. 12 августа въ 8 часовъ вечера улицы одного мѣстечка освѣтились вдругъ свѣтомъ, такимъ же яркимъ, какъ дневной. Явленіе это продолжалось около десяти минутъ, а затѣмъ на небѣ показался метеоръ, испускавшій лучи свѣта. Метеоръ этотъ имѣлъ видъ неправильнаго четырехугольника и двигался съ запада на сѣверъ. Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ 8 часовъ, такое же явленіе наблюдалось и въ Клаузенбургѣ; тамъ тоже метеоръ необычайной величины двигался впродолженіи нѣсколькихъ минутъ съ запада на востокъ, освѣщая небо на далекое пространство. Интересно то, что метеоръ этотъ походилъ на движущуюся ракету, изъ которой выбрасывались лучи во всѣ стороны и всевозможныхъ цвѣтовъ. Метеоры эти считаютъ предвѣстниками другого явленія, а именно падающихъ звѣздъ, которое предсказывалось астрономами.

— **Поджигательница изъ-за любви.** Луизѣ Блосье, представшей надняхъ передъ судомъ присяжныхъ, въ Версали, еще нѣтъ 17 лѣтъ. Наружность у нея энергичная, но не лишенная пріятности, голосъ твердый, выражается она довольно смѣло. Обстоятельства, приведшія ее на скамью подсудимыхъ, слѣдующія: Въ одной деревнѣ, въ департаментѣ Сены и Уазы, въ августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года послѣдовательные пожары приводили въ тупикъ все населеніе. Загорались одинъ за другимъ дома, повидимому, отъ поджога, но всѣ усилія открыть таинственнаго преступника оставались тщетны. Мѣстныхъ жителей подозрѣвать нельзя было; чужихъ людей въ деревнѣ не показывалось. Кто-то позволилъ себѣ намекнуть на дѣвицу Блосье—намекъ этотъ былъ встрѣченъ всеобщимъ негодованіемъ. Можно-ли подозрѣвать въ такой гнусности молодую дѣвушку, родители которой пользуются всеобщимъ уваженіемъ? Для чего ей было это дѣлать? И наконецъ, если даже допустить въ ней такіе злые инстинкты или манію, имѣла-ли она возможность приводить свое намѣреніе въ исполненіе? Весь день проводила она за шитьемъ, у нея не было ни минуты свободнаго времени. Въ тѣ дома, гдѣ она работала поденно, мать всегда приводила ее утромъ, а вечеромъ тоже сама отводила домой. Казалось страннымъ согласовать такой тщательный надзоръ съ тѣми порочными проявленіями, которыя нѣкоторые крестьяне, болѣе зоркіе, чѣмъ другіе, давно уже подмѣчали въ этой дѣвушкѣ. Когда судебному слѣдователю назвали Луизу Блосье, онъ долженъ былъ принять всевозможныя мѣры предосторожности, чтобъ не возбудить подозрѣніе обвиняемой. Ему также пришлось выдержать взрывъ негодованія со стороны общественнаго мнѣнія, не говоря уже о родителяхъ юной преступницы. Но онъ настоялъ на своемъ и открылъ истину. Сравнивая обстоятельства, сопровождавшія всѣ послѣдніе пожары, нельзя было не замѣтить, что всѣ они были произведены однимъ и тѣмъ же способомъ. Первый пожаръ произошелъ 15 августа. Въ этотъ день дѣвица Блосье занималась шитьемъ у одной госпожи, которая должна была послѣ обѣда идти въ поле. Загорѣлась соломенная крыша сарая на заднемъ дворѣ: чтобъ произвести этотъ пожаръ, достаточно было сѣрной спички. 22 августа, на четверть километра разстоянія отъ этого мѣста, вспыхнуло снова пламя и цѣлый кварталъ превратился въ пепелъ. 27 снова пожаръ неподалеку; 3 сентября загорѣлось сѣно, сложенное въ саду, запертомъ со всѣхъ сторонъ. 22 загорѣлся чердакъ въ домѣ одной вдовы и лавки торговца углемъ. 5 дней спустя, домъ одного изъ сосѣднихъ земледѣльцевъ сгорѣлъ до тла. 6 разъ впродолженіи 6 недѣль, повтореніе того же самаго бѣдствія, заставляло жителей мѣстечка собираться и обсуждать причины катастрофы, грозящей постепенно уничтожить все село, но виновнаго не находилось. Одинъ только слѣдователь все сильнѣе и сильнѣе убѣждался, что этотъ

виновный, никто иной, какъ Луиза Блосье. Ему удалось сдѣлать нѣсколько интересныхъ открытій насчетъ этой дѣвушки; онъ узналъ, что у нея есть возлюбленный, юноша 19 лѣтъ, по имени Альберъ Ромарю, житель той же деревни. Стѣсненная неусыпнымъ надзоромъ родителей, Луиза не могла часто видѣться съ Альберомъ; испробовавъ напрасно различныя средства для достиженія своихъ цѣлей, она, наконецъ, прибѣгла къ поджигательству, какъ къ самому удобному и вѣрному средству отвлечь всеобщее подозрѣніе. При первомъ ударѣ въ набатъ, Альберъ бѣжалъ вмѣстѣ съ другими на пожаръ и тогда, пользуясь всеобщимъ безпорядкомъ, она овладѣвала имъ вполнѣ. 15 августа они успѣли только обмѣняться нѣсколькими словами. 22 Луизѣ удалось увлечь Альбера за изгородь. Нѣсколько дней спустя, пока народъ тушилъ огонь въ домѣ вдовы Оберъ, они были вмѣстѣ въ полѣ; наконецъ, 27 сентября, не сообщая своей тайны возлюбленному, Луиза снова имѣла съ нимъ любовное свиданіе. На судѣ всѣ ожидали борьбы между истиной и ложью, но ничего подобнаго не произошло. Луиза Блосье во всемъ созналась, какъ въ преступленіи, такъ и въ мотивахъ его. Присутствующіе просто не вѣрили своимъ ушамъ. Новаго Нерона въ юбкѣ приговорили къ 10 годамъ каторжной работы.

— **Любопытный указъ.** Въ концѣ прошлаго столѣтія противъ злоупотребленія кофе и шоколада былъ изданъ слѣдующій указъ: «Божію милостью, мы, Фридрихъ, ландграфъ гессенскій, князь герцвальдскій, графъ Катценеленбогенъ и пр. и пр., кавалеръ разныхъ орденовъ (при этомъ перечислены и ордена), дабы воспрепятствовать злоупотребленію кофе и шоколада, сочли за благо издать слѣдующія постановленія, кои и должны быть исполняемы въ точности. 1) Воспрещается въ городахъ и въ селахъ какъ розничная, такъ и оптовая торговля этими напитками. 2) Воспрещается продажа кофе и шоколада въ гостинницахъ и въ трактирахъ. 3) Нарушители сихъ постановленій подвергаются штрафу, а именно крестьяне, слуги и служительницы штрафуются однимъ талеромъ. Горожане и прислуга пятью талерами. Лица высшаго званія — десятью талерами. Означенные штрафы идутъ въ пользу доносителей. Собственноручно засвидѣтельствованный документъ съ приложеніемъ княжеской печати. Кассель 5-го апрѣля 1774 года. Фридрихъ, ландграфъ Гессенскій».

— **Странная смерть.** Въ Гейдельбергѣ скончался надняхъ докторъ Адольфъ Сондеръ отъ запонки, попавшей ему въ дыхательное горло. Подробности этого приключенія довольно оригинальны. 5 лѣтъ тому назадъ, одѣваясь, докторъ взялъ въ зубы маленькую запонку. Жена его напомнила ему о какомъ-то комичномъ приключеніи, случившемся наканунѣ въ ихъ домѣ, докторъ началъ хохотать, при этомъ закинулъ назадъ голову и запонка проскользнула въ дыхательное горло. Напрасно пытался онъ ее откашлянуть, она проникала все дальше и дальше, пока, наконецъ, не попала въ лѣвое легкое. Докторъ считалъ уже, что конецъ его близокъ, какъ вдругъ, съ нимъ сдѣлался новый припадокъ кашля и запонка выскочила изъ горла вмѣстѣ съ кровью. Запонка была костяная, слѣдовательно причинить особенный вредъ легкому не могла, такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ думали. Сондеръ поѣхалъ лечиться на воды, а затѣмъ, вернувшись, снова принялся за свою практику, но легкое не могло оправиться отъ прикосновенія къ нему посторонняго тѣла и, не взирая на самое тщательное леченіе, черезъ 5 лѣтъ наступила смерть.

— **Стеклянная гора.** Западныя страны Сѣверной Америки, находящіяся на границѣ утесистыхъ горъ, заключаютъ въ себѣ величайшія природныя богатства. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ открытая недавно въ такъ-называемомъ Эловстонъ-паркѣ гора въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, содержащая въ себѣ вулканическое стекло (стеклянные янтари) всевозможныхъ цвѣтовъ. Это натуральное стекло въ древнѣйшія времена служило индійцамъ для приготовленія острыхъ наконечниковъ для ихъ стрѣлъ и копій. Въ настоящее время уже приступили къ эксплоатаціи этого замѣчательнаго открытія.

Шахматный отдѣлъ.

ПАРТІЯ № 5.

Гамбитъ Эванса.

Играна 3 января 1879 г. въ шахм. клубѣ въ Монреалѣ, (Канада) въ одномъ сеансѣ, въ которомъ г. Мекензи велъ одновременно 14 партій.

Мекензи. *Бѣлые*	**И. Шафъ.** *Черные*
1. e2—e4	1. e7—e5
2. К g1—f3	2. К b8—c6
3. С f1—c4	3. С f8—c5
4. b2—b4	4. С c5 : b4
5. c2—c3	5. С b4—a5 *a*
6. d2—d4	6. e5 : d4
7. 0—0	7. d4 : c3 *b*
8. Ф d1—b3	8. Ф d8—f6 *c*
9. e4—e5	9. Ф f6 - g6! *d*
10. К b1 : c3	10. С a5 : c3 *e*
11. Ф b3 : c3	11. К g8—e7
12. Л f1—e1	12. 0—0
13. С c4—d3	13. f7—f5 *f*
14. С c1—b2	14. Кр g8—h8
15. К f3—h4	15. Ф g6—h6
16. g2—g3	16. f5—f4
17. Л e1—e4	17. f4 : g3
18. h2 : g3	18. d7—d6 *g*
19. e5—e6	19. К c6—e5
20. Л e4 : e5 *h*	20. d6 : e5
21. Ф c3 : e5	21. К e7—g6 *i*
22. К h4 : g6	22. h7 : g6
23. Кр g1—g2	23. b7—b6 *k*
24. Л a1—h1	24. С c8—b7 †
25. С d3—e4	25. С b7 : e4 †
26. Ф e5 : e4	черные сдались.

Примѣчанія къ партіи.

a) Отступленіе слона на a5 также хорошо, какъ и на c5 (см. парт. № 3).

b) Лучше не брать второй пѣшки, чтобы не подвергаться очень сильной атакѣ, которую бѣлые теперь получаютъ. Продолженіе другое можетъ быть 7. … d7—d6; 8. c3 : d4, С a5—b6! (бѣлые грозили Ф d1—a4, затѣмъ d4—d5, выигрывая фигуру). Это положеніе получается также и при отступленіи слона на c5 на 5-мъ ходѣ.

c) Этотъ ходъ признается лучшимъ; на e7 ферзь занималъ бы менѣе выгодное положеніе.

d) Очевидно, что не такъ хорошо было бы взять пѣшку; бѣлые выигрывали тогда пѣшку f7 съ шахомъ, конечно взявъ прежде коня.

e) Лучше играть К g8—e7, развивая игру и подготовляя рокировку.

f) Если 13. … Ф g6—h5, то 14. Л e1—e4, угрожая на h5 а также g2—g4, Ф h5—h3; С d3—f1.

g) Игра черныхъ стѣснена и защита для нихъ трудна; на 18. … К e7—g8 (g6)? послѣдовало бы 19. К h4—g6 †!, Ф h6 : g6; 20. Л e4—h4 и черные, во избѣжаніе мата, должны отдать ферзя.

h) Прекрасно сыграно; пожертвованіе качества основательно.

i) На 21. … С c8 : e6 могло послѣдовать 22. Л a1—e1 и выигрываютъ слона или коня, получая такимъ образомъ преимущество въ силѣ.

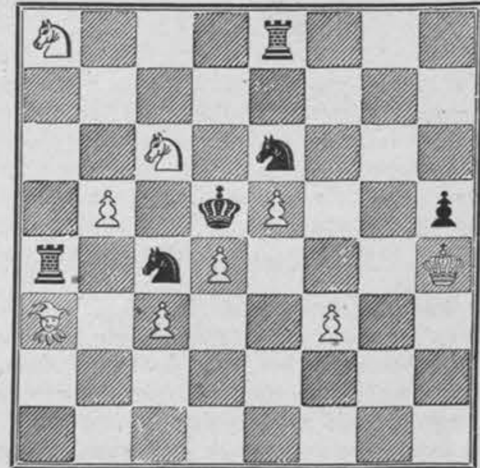
k) Черные уже теперь не имѣютъ средствъ для спасенія ферзя.

ЗАДАЧИ

№ 7.

Г. Валле (въ Италіи).

Черные.

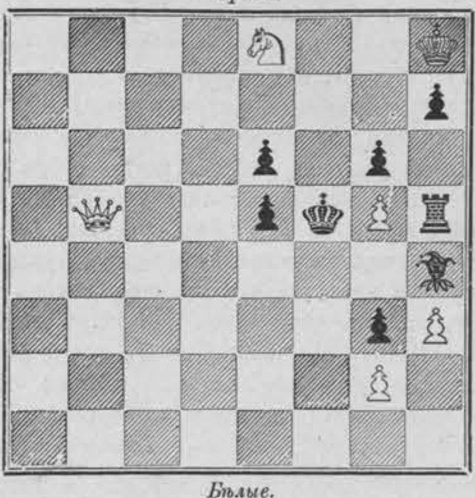
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 8.

Ф. Клетта (въ Штутгартѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи № 4 (въ № 47)

1. К c5—e6 / Кр d5 : e6 — 2. С d1—b3 ×

1. . . . / Кр d5—c4 — 2. К d7—b6 ×

1. . . . / Кр d5—e4 — 2. К d7—f6 ×

1. . . . / Кр d5—c6 — 2. С d1—f3 ×

Правильное рѣшеніе сообщили: *Е. Румянцевъ, Л. Чайковскій, г. Давыдовъ, С. Щеголевъ, С. Кузьминъ*

ОТВѢТЫ.

Присылающимъ рѣшенія шахм. задачъ. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, удовлетворять просьбы сообщеніемъ въ каждомъ №, и въ отдѣльности каждому лицу, о вѣрности присланныхъ рѣшеній. Фамиліи лицъ, приславшихъ правильныя рѣшенія будутъ печататься, какъ это мы и дѣлаемъ въ настоящемъ номерѣ, при помѣщеніи рѣшенія задачи.

А. Котелевскому (г. Сумы). Обозначеніе клѣтокъ шахм. доски указано въ № 44; просимъ ему придерживаться.

А. Лутковскому (Ларьевская станція). За уставомъ общества люб. шахм. игры обратитесь къ *г. Чигорину*; адресъ указанъ въ № 47 (шахм. отд).

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ спрашиваютъ насъ, что слѣдуетъ платить за пересылку двухъ переплетовъ, если выписывается въ одно время переплеты для 1-го и 2-го полугодія 1879 года? При выпискѣ двухъ переплетовъ высылается за переплеты 2 р. 50 коп. и на пересылку 50 коп., всего 3 рубля.

II. Контора журнала втеченіи мѣсяца съ 15 декабря этого года по 15 января будущаго года будетъ открыта: въ будни съ 10 часовъ утра до 5 пополудни; въ праздники (кромѣ 25 декабря и 1 го января) съ 11 часовъ утра до 3 пополудни.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 49-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 8 го декабря въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 9-го декабря въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 14 Декабря 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)